

«Измена крымского хана» в битве под Берестечком: мифы и факты

Амет-хан Шейхумеров

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. В кульминационный день битвы под Берестечком (30 июня 1651 г.) крымские татары обратились в бегство, оставив на поле боя своих союзников – украинских казаков. По практически единодушному мнению источников, причиной поражения союзных войск стали успешные действия польской армии под руководством короля Яна II Казимира, нанесшей основной удар по крымской коннице. Под пушечными ядрами противника крымцы понесли большие потери и бежали, а сам хан Ислям III Герай едва не был убит. Нет никаких доказательств того, что татары намеренно бросили казаков.

Ключевые слова: битва под Берестечком, Войско Запорожское, восстание Хмельницкого, казачество, крымские татары, Крымское ханство, Польша.

Для цитирования: Шейхумеров А. А. «Измена крымского хана» в битве под Берестечком: мифы и факты // Крымское историческое обозрение. 2021. № 2. С. 33–72. DOI: 10.22378/kio.2021.2.33-72

Военно-политические события на украинских землях середины XVII в., известные в историографии как «национально-освободительная война украинского народа», «казацкая революция» и «восстание Хмельницкого», оказали огромное влияние на историю Восточной Европы. Они же стали фундаментом украинского национального мифа о возрождении государственности, о золотой эпохе великих побед и утраченных надежд. Крымское ханство, протектор (покровитель) восставших, было обречено стать частью этого мифа. В украинской историографии хан Ислям III Герай был наделен чертами литературного антигероя, помешавшего подлинному освобождению Украины. Краеугольным камнем мифа о потерянной победе стала «легенда об ударе ножом в спину» победоносной украинской армии. В роли «ноябрьских преступников» оказалось войско Крымского ханства, которое в битвах под Зборовым и Берестечком, а также под Жванцем «предало» казаков. Показательно название книги украинского историка В. Брехуненко о Берестецкой битве: «Програна битва виграної війни» («Проигранная битва выигранной войны») [5].

Мнение о коварных сговорах крымского хана с польским королем заво-

евало популярность в украинской и российской историографии сравнительно недавно, с рубежа XIX–XX вв. Представление о крымских татарах как о «предателях» также активно насаждалось в СССР после депортации крымских народов 1944 г. В дореволюционной российской историографии вопрос о мотивах и действиях крымского руководства во время восстания Хмельницкого являлся дискуссионным. К примеру, Н. И. Костомаров в своей книге «Богдан Хмельницкий», изданной в 1859 г., описывал битву под Берестечком как военное поражение крымского хана, не обвиняя Исляма III Герая в «предательстве» [20, с. 148, 200–201]. В советской историографии, начиная со второй половины 1940-х гг., миф о «военных изменах» стал практически обязательной составляющей работ о Хмельниччине. Так, В. А. Голобуцкий в своей работе о дипломатической истории восстания Хмельницкого писал, что в решающей день битвы «...хан изменил, покинул поле битвы, захватил в плен Б. Хмельницкого и тем самым поставил украинское войско в очень тяжелое положение» [10, с. 284]. История военного сотрудничества крымских татар и украинских казаков в 1648–1653 гг. излагалась по принципу «общие победы – казачьи победы, общие поражения – татарские измены». Советская традиция сохранилась и в современной Украине. Важно отметить, что некоторые современные украинские историки проявляют избирательный подход к использованию слова «измена/предательство». Так, Т. В. Чухлиб берет в кавычки слово «зрада», когда идет речь о нарушении вассальной присяги украинскими гетманами, такими как П. Дорошенко [26] и И. Мазепа [27], и использует слово «зрада» без кавычек, когда речь идет о хане Исляме III Герае под Берестечком [28, с. 65].

В историографии других стран тезис об «изменах татар» не приобрел популярности. В связи с этим отметим, что в польской историографии он все же бытовал в эпоху ПНР (Польской Народной Республики), когда советское идеологическое влияние сказывалось на изучении событий прошлого. Так, известный специалист по истории польско-татарских отношений Б. Барановский упоминал «...zdrady Tatarów pod Beresteczkiem» («...измену татар под Берестечком»), оставляя при этом ссылки на официальные советские работы. Б. Барановский писал, что крымцы намеренно не оказали надлежащей помощи своим союзникам в битве под Берестечком [29, р. 459]. Однако с падением социалистического режима в Польше в работах польских историков почти полностью исчезают и «zdrady Tatarów», что является очередным доказательством идеологического (а не научного) происхождения тезиса о «татарском предательстве». В вышедшей в 1994 г. монографии Р. Романьского о битве под Берестечком бегство крымского хана объяснялось наступлением польских войск [42, р. 187–189]. Стремление польского исследователя непредвзято описать сражение, избегая бездоказательных утверждений об «измене крымских татар», вызвало критику в украинской историографии.

Ю. А. Мыщык обвинил Р. Романьского в отсутствии упоминания «предательства» Исляма III Герая [23, с. 633]. Однако вряд ли польского историка можно винить в том, что искомое «предательство» не находит подтверждения в источниках.

В отличие от многих украинских и советских историков с их мнением о негативной роли крымских татар в кампании 1651 г., практически все современники событий оценивали действия Крымского ханства в украинских событиях совершенно иначе. Отталкиваясь от их сообщений, попробуем охарактеризовать действия крымских татар в битве под Берестечком.

Первое поражение. Весной 1648 г. на украинских землях началось грандиозное восстание, основной движущей силой которого было казачество, к которому примкнули огромные массы крестьянства, мещан, православного духовенства и часть русинской шляхты. Б. Хмельницкий, вождь движения, начал военные действия лишь после того, как заручился поддержкой Исляма III Герая, которому присягнул на верность и обязался воевать на стороне Крыма с ханскими врагами [18, с. 150]. И лишь после того, как Б. Хмельницкий привел с собой на Запорожье войско орского бая Тугая-бая, запорожские казаки избрали его гетманом. Это очень важный момент для понимания восстания Хмельницкого, ведь при подписании Бахчисарайского договора будущий гетман был лишь беглым чигиринским сотником. Речь шла не о союзе равных сторон, а о союзе с выраженным доминированием крымской стороны.

Первые победы союзников в битвах под Желтыми Водами и Корсунем привели к падению польской власти на Поднепровье. Однако неспособность польской шляхты смириться с утратой обширных восточных территорий раз за разом заставляла противоборствующие стороны сходить на поле боя. Самым крупным столкновением стала битва под Берестечком 28 июня – 10 июля 1651 г., где, по подсчетам современного историка И. Гаврилюка, около 90–100 тыс. союзников (30 тыс. татар, 40 тыс. казаков и 20–30 тыс. русинской черни) сражались с 60–80-тысячной польской армией [31, с. 249–254].

В ходе этой битвы польская армия впервые с начала восстания одержала значимую победу над союзниками, обратив в бегство сначала крымских татар, а затем и казаков. Эта битва имела ряд существенных отличий от предыдущих сражений, ибо союзники не смогли ни окружить польское войско, ни напасть на него на марше и были вынуждены принять фронтальный бой, в котором королевские силы обладали преимуществом.

28 июня, в первый день битвы, отряд татарской кавалерии (скорее всего, несколько тысяч воинов [33, р. 21]¹), усиленный немногочисленными казачьими всадниками, перешел реку Пляшевку и два часа гарцевал² с поляка-

¹ Такое число дает М. Емеловский [33, р. 21]. По другим данным – 10–12 тыс. [13, с. 575].

² Гарцы – столкновения между отдельными всадниками или группами всадников, часто предваряющие сражение между основными силами.

ми, после чего атаковал левое крыло врага, но был отброшен за Пляшевку контратакой польских хоругвей [31, с. 260–261]³.

29 июня к реке подошел сам хан Ислям III Герай. Численность его армии точно не известна. По наиболее правдоподобной оценке, он привел с собой 30–40 тыс. крымских и ногайских татар. О 30 и более тысячах вышедших на войну крымских татар писали русские посланники в Крыму [7, с. 485], шляхтич Р. Пясецкий в письме королевичу Каролу [16, с. 479], а также неизвестный автор новостей из польского лагеря [9, с. 186]. Эту же величину называл полякам перебежчик-казак Андрей [6, с. 116]. Ряд других источников писали о 40 тыс. татар. Об этом сообщали неизвестный польский автор [16, с. 473], шведский посол в Крыму И. Майер [6, с. 147] и А. Мясковский («...сила ханская не очень большая, ибо утверждают, что всей орды он может иметь не более 40 тысяч») [16, с. 462, 491]. По одним сведениям, хан приказал выступить в поход всем татарам [9, с. 175], по другим – «...не все орды хотели с ним пойти» [13, с. 181–182]. К тому же нуреддин-султан Гази Герай с 4–5 тыс. уже был при Хмельницким. Таким образом, силы хана можно оценить в 34–45 тыс. человек, в том числе 25–30 тыс. бойцов и 9–15 тыс. слуг (вероятно, слуг было не менее половины всего войска, однако мы принимаем минималистическую оценку численности обслуживающего персонала).

Перед союзным командованием стояла задача очистить переправу через Пляшевку для дальнейших действий против армии короля Яна II Казимира. Эта задача, хотя и ценой значительных потерь, была решена: крымская кавалерия при поддержке незначительного числа казаков неоднократно яростно атаковала врага. Татарам пришлось иметь дело с мощной группировкой польской конницы, выстроившейся перед своим лагерем на равнинной местности за Пляшевкой. Как сообщал в своей реляции польский автор, «...около 10 000 татар и немного казаков напали на наши передовые полки» [6, с. 157]. Королевские конники раз за разом отступали под натиском татар, однако, развивая успех и преследуя врага, крымцы подпадали под огонь польской артиллерии и пехоты, оборонявших укрепленный лагерь, и отступали обратно. Польская кавалерия, в свою очередь, переходила в контратаки, во время которых отдельные, вырвавшиеся вперед хоругви окружались татарами (что привело к серьезным потерям на правом крыле поляков). К вечеру обе армии разошлись. Татары все же закрепились на берегу, а в ночь с 29 на 30 июня реку перешел казачий табор⁴. Обе стороны несли в произошедшем бою большие потери. В польских хоругвах, участвовавших в бою, погибло

³ Хоругвь – подразделение в польских и литовских войсках, соответствующее роте.

⁴ Табор (вагенбург) – полевое укрепление, состоящее из возов, за которыми укрывались воины. Казачье войско в бою традиционно действовало под прикрытием табора, так как состояло преимущественно из пехоты, которая нуждалась в защите от кавалерийских атак.

в среднем по 10–12 человек [6, с. 104], то есть около 10% бойцов. Польский современник писал: «Как в среду, так и четверг убиты все главнейшие мурзы, командующие удалыцы; но и у наших немалые потери» [13, с. 203].

Бой 29 июня получил разные оценки современников, однако современные польские историки сходятся на том, что это была победа крымских татар, добившихся своей главной цели – обеспечения безопасности переправы через Пляшевку [31, р. 263; 42, р. 171–172]. Польские войска получили сильный моральный удар, а на состоявшемся ночью военном совете военачальники убеждали Яна II Казимира запереться в лагере и более не сражаться в открытом поле [31, р. 263]. Однако король принял волевое решение вывести из лагеря для битвы не только кавалерию, но и пехоту с артиллерией, сумев успешно организовать их взаимодействие в наступательных действиях следующего дня.

Возложение на ханских воинов нелегкой задачи по борьбе с сильной польской конницей не было случайностью. Сами казаки еще не имели боеспособной кавалерии. Взятые в плен поляками восставшие уверяли, что сами не верят в силу и боевые качества собственных всадников, несмотря на усилия гетмана сформировать многочисленную кавалерию [16, с. 447; 6, с. 116]. Польских военачальников известия о попытке превратить пеших казаков в конницу, напротив, вдохновляли – они рассчитывали, что в таком случае одержат легкую победу [16, с. 479]. Б. Хмельницкий распределял своих кавалеристов небольшими группами среди татар, дабы научить их искусству конного боя [13, с. 392]. Вынужденные сражаться верхом без помощи крымцев, казаки не раз шли в бой с криками «Алла!», дабы изобразить присутствие своих грозных союзников на поле боя. Так было в битве под Лоевым в 1649 г. [30, р. 190] и во время осады Гомеля в 1651 г. [16, с. 516].

Таким образом, в первые два дня битвы основную тяжесть боев вынесли на себе воины Крымского ханства. Подобное положение дел было нормальным во время восстания Хмельницкого – на Желтых Водах, под Корсунем, во время осады Львова, в битве под Зборовым, во время Жванецкой кампании первыми бои традиционно начинали крымские татары, и уже затем подтягивались их казацкие союзники. Но на этот раз численность польской армии была беспрецедентно большой – около 60–80 тыс., то есть в три раза больше, чем численность самой крупной из ранее выставлявшихся против союзников польских армий⁵. Другим было и поле боя – врага уже нельзя было бить во время переправы, как это было под Зборовым, окружить и обойти, как под Корсунем и Пилявцами. Иными словами, хан и гетман не могли в полной мере использовать сильные стороны своих воинов. Польская армия заняла выгодную позицию, с прикрытыми рекою Стырь флангами. Оставалось одно –

⁵ В битве под Пилявцами польская армия, по подсчетам М. Роговича, насчитывала 21–22,5 тыс. человек [41, р. 45–47].

атаковать войска Яна II Казимира по фронту. При этом и легковооруженные татары, с их любовью к маневрам, и сражавшиеся под прикрытием табора казаки оказывались в трудном положении. К тому же крымская конница понесла существенные потери в первые два дня битвы, что вызывало раздражение хана Исляма III Герая – казачий гетман обещал ему, что польское войско будет небольшим.

Утром 30 июня союзники подошли к польским позициям и остановились, отдавая инициативу врагу. Правый фланг занимали казаки, левый – татары. Вплоть до полудня противники не предпринимали активных действий. Наконец 18 хоругвей левого крыла королевской армии под командованием князя И. Вишневецкого (около 2 тыс. всадников) обрушились на казачий табор, еще не полностью подготовленный к обороне [42, р. 181]. Поляки прорвали линии возов и вклинились в боевые порядки казаков. Положение спасла атака нуреддин-султана Гази Герая, остановившая польский натиск. Это дало казакам время прийти в себя и восстановить целостность вагенбурга. Оправившись от удара, повстанцы перешли в наступление на левое крыло противника, однако эта атака была отражена польскими войсками.

Сражаясь частью сил против казаков, польская армия также начала наступление на татар силами правого крыла и центра, методично продвигавшихся вперед и обстреливавших татарские войска. Крымцы контратаковали противника: «Хан собрал свои силы и дважды наступал в лоб нашего войска с двумя пушечками» [6, с. 158]. Однако каждый раз их отбивали сильным огнем. Крымский монарх был потрясен: небольшое (как убеждал казачий гетман) польское войско на деле представляло собой огромную армию. Как повествуют источники, на численно меньшую часть союзного войска (татар) обрушился центр и правый фланг польского войска, в то время как более многочисленные казаки оттянули на себя лишь левый фланг польской армии.

Ян II Казимир, наблюдая за полем боя, по совету своих приближенных приказал артиллеристам обстрелять холм, на котором располагались ставка Исляма III Герая. В свою очередь, татарская артиллерия (2 пушки) открыла огонь по польскому монарху. Дуэль едва не стоила обоим лидерам жизни – одно из татарских ядер упало на землю рядом с королем (согласно некоторым источникам – король был ранен в ногу [13, с. 274, 452]), а польские ядра убили и ранили одного или нескольких человек из свиты, окружавшей хана [13, с. 452].

Польские источники упоминают о том, что рядом с Ислямом III Гераем стоял знаменитый татарский полководец Айтимуур, брат лидера буджакских татар Кантемира. Он был ранен ядром, брошен при отступлении своими товарищами и попал в плен, где его лечили королевские фельдшеры [6, с. 118]. Но Айтимуур был не единственным представителем военно-политической элиты Крымского ханства, попавшим в плен под Берестечком. Среди поляков

ходили слухи, что ядром был ранен сам Ислям III Герай и будто бы крымский правитель умер от раны [6, с. 131]. Польский современник сообщал, что был «взят в плен важный мурза, совета которого хан всегда слушал; пушечный выстрел раздробил ему руку и ранил в бок. Это было причиной слухов, что хан убит» [6, с. 151]. Речь шла об известном крымском военачальнике Муртазе-аге, который наряду с Тугаем-беем командовал силами вторжения в зимнем набеге на Польшу 1643/44 гг. [38, р. 37, 45]. О его пленении А. Мясковский сообщал, что состоявший на польском службе татарин привел «... Муртаза-агу, которого татары, уходя, покинули по дороге на возу, так как не могли его, раненого, везти дальше. Этот Муртаза-ага – человек значительный и из татарской знати, потомок ханов. В Крыму без него не решался ни один вопрос. Раненный дробью в нижнюю часть руки и в бок, еле говорил уже» [16, с. 545]. Вместе с Муртазой-агой в польской лагерь был привезен плененный Сулейман-ага, крымский политический деятель, занимавший должность командира дворцовой стражи (капыджи баша) [40, р. 123]. Огорченные трагедией, Муртаза-ага и Сулейман-ага рассказали Яну Казимиру, что их поражение стало следствием Божьей кары за разрыв Ислямом III Гераем мира с Польшей. Есть сведения, что в бою 29 июня погиб Мурад Герай («Амурат-султан»), брат хана, руководивший конницей при осаде Збаража в 1649 г. [6, с. 71]. Также, согласно польским источникам, в битве погибли калга-султан Крым Герай, нуреддин-султан Гази Герай, Субхан Гази-ага, мурза Мехмет Герай и Тугай-бей, а ханский казначей Муффрах мурза попал в плен. Впрочем, данные о гибели калга-султана и нуреддин-султана, равно как и Субхана Гази-аги ошибочны, ибо они упоминаются в источниках и позднее. Тугай-бей же умер еще весной 1649 г. Тем не менее, потери среди крымской знати были велики (согласно источникам, погибло 16–20 мурз, не считая пленных аристократов). Таким образом, ряд представителей военно-политической элиты Крымского ханства погибли в боях под Берестечком или попали в плен, а сам Ислям III Герай едва не был убит. В то же время из высшего казацкого командования в битве под Берестечком никто не погиб и не попал в плен (если не считать нежинского полковника П. Шумейко, предположительно погибшего либо под Берестечком, либо под Лоевым) [31, р. 279–280]. Даже В. Брехуненко признавал, что в битве 29 июня полегло много татарских мурз и польских шляхтичей, но не казацкой старшины, из которой, «скорее всего, не погиб никто, иначе бы об этом вспомнили современники, которые отметили потери коронного войска и татар» [5, с. 89]. Это приблизительно соответствует вкладу в военные усилия обеих союзных армий: польские источники скупно описывают бои королевских войск с казаками, но зато подробно и красочно пишут о столкновении польских войск с татарами.

Ведя непрерывную стрельбу по ханским воинам, поляки планомерно наступали на ставку правителя Крыма. Под огнем врага деморализованный Ис-

лям III Герай поспешно покинул поле боя, бросив даже свои личные вещи. Следом за ним обратилось в бегство все войско. Одновременно с этим польские хоругви ударили по казакам и погнали их в табор [6, с. 158]. Бегущих татар догнали на переправе через Пляшевку у Козина, где им нанесли большие потери. «Хан, видя, что на него наступает большая сила конницы и пехоты и мощная артиллерия, и заметив, что левое крыло [польских войск] гнало казаков саблями, как скот, и, оторвав часть [казацкого] лагеря, вытеснило их оттуда, обратившись на юг и оставив шатры, повозку, лошадей и весь ясырь, позорно бежал только с несколькими тысячами орды», – писал Р. Пясецкий в письме королевичу Каролу 2 июля 1651 г. [16, с. 530–531]. Таким образом, оба союзных войска были вынуждены отступить под напором врага: казаки двинулись на юг и укрылись в вагенбурге, татары же бежали дальше к переправе.

Паника, охватившая крымцев, была столь велика, что они покинули по дороге около тысячи своих раненых, бросали оружие, седла и другие вещи. Все это время, вплоть до бегства хана, именно крымские татары в основном сражались с противником. По наиболее умеренной оценке польских источников, потери ханских войск за три дня битвы составили около 1 тыс. убитых, что было неслыханными для татар потерями. Учитывая брошенных раненых, взятых поляками пленных, воинов, умерших позднее от ран и погибших во время тяжелого возвращения, можно сделать вывод, что общие потери войск Крымского ханства в июне – июле 1651 г. составили несколько тысяч человек. 300 татар попало в плен (по оценке польского посла в Москве С. Голиньского [14, с. 255]), погибло от 16 (со слов С. Голиньского, передававшего слова крымского гонца) до 20 мурз [9, с. 206–207]. Были утеряны и ханские пушки [9, с. 210]. «Около тысячи мертвых и раненых бросили татары на дороге, что прежде считалось у них безбожеством. Видно, что жестокая нужда и смятение их навели. Говорят, что их тысяча человек погибло за эти три дня, кроме раненых и пленных. Это неслыханно, чтобы так много татар погибло в предварительном сражении. Сам хан не ранен, но несколько мурз, которые около него находились, убиты», – отмечал современник [16, с. 545–546].

В свою очередь, поляки потеряли несколько сот убитыми только среди знати, то есть шляхтичей, – и основная их часть погибла в боях с татарами. Общие потери в битве С. Голиньский оценивал в 3 тыс. [14, с. 255], другой польский источник – в 1,5 тыс. только в третий день битвы [9, с. 206]. По другим оценкам – 500 в третий день битвы [6, с. 202], от 200 [6, с. 104] до 300 – во второй [6, с. 213], или 700 человек за все три дня [38, р. 342]. Как отмечал Р. Пясецкий, «во всех битвах погибло не более 300 человек шляхты, да и то больше всего из посполитого рушения⁶, особенно на флангах, потому что их татары больше всего атаквали, [притом] всегда наступали изо всей силы

⁶ Посполитое рушение – ополчение шляхты и городов, считалось наименее боеспособной частью польского войска.

на левое крыло, узнав от пленных, что там стоит посполитое рушение» [16, с. 531]. Один только «...полк Краковского воеводства, окруженный татарами, потерял 400 человек», – сообщал польский современник [40, р. 122]. По мнению И. Гаврилюка, общие потери польской армии составляли несколько тысяч человек [31, р. 279].

Таким образом, из источников следует, что поляки понесли наибольшие потери в боях именно с татарами, сами же татары под Берестечком понесли более крупные потери, чем в предшествовавших битвах.

На основании имеющихся данных можно сделать вывод, что битва под Берестечком представляла собой в первую очередь грандиозное противоборство польской и крымской армий, от исхода которого зависела судьба казаков. Об этом говорит и массовая гибель польских шляхтичей и крымских аристократов в боях друг с другом, что резко контрастирует с отсутствием подтвержденных потерь среди казацкой элиты. После того, как крымские татары не сумели сами победить поляков и были обращены в бегство, поражение казацкого войска стало лишь вопросом времени. По мнению И. Гаврилюка, с которым мы согласны, «Берестечко оказалось первым значимым сражением, когда враг диктовал условия казацкому гетману... Хмельницкий демонстрировал пассивность в ходе действий мая – июня и, наконец, необдуманно возложил тяжесть боев 28–30 июня на плечи татар (роль казацкой конницы и пехоты была малозначимой). Это привело к дополнительному излишнему напряжению в отношениях между ханом и гетманом» [31, р. 281]. Такого же мнения придерживался Р. Романьский: «Положение татар стало критическим. К расположению, занятому все более и более испуганным ханом, начали сносить тела убитых мурз и его родственников. Ислам Герай, обзревая ход битвы, а особенно малую активность казацкой армии, утратил уверенность в столкновении со всей королевской армией, величину которой скорее переоценивал, чем недооценивал. Итак, счел битву проигранной и дал сигнал отступить» [42, р. 188].

Таким образом, крымская конница бросила казацкую пехоту и бежала. Это же сделала и казацкая конница (по крайней мере, часть ее), бежавшая вместе с татарами [6, р. 293; 35, р. 145]. Коннице всегда легче бежать, чем пехоте, и, соответственно, всадникам проще решиться на бегство. К слову, точно так же, как крымцы и конные казаки бежали под Берестечком, казацкая конница бежала от врага в битвах под Финтой в 1653 г. и Тобаком в 1684 г., бросив свою пехоту на произвол судьбы. Но при этом казацких кавалеристов украинские историки в «зраде» не обвиняют. Обе союзные армии отступали под натиском польских войск. Татары и казацкие всадники бежали, на протяжении 20 км преследуемые поляками, до переправы через Пляшевку у Козина. И хотя королевским воинам удалось настичь крымцев на переправе и нанести им большие потери, основной массе ханских всадников удалось уйти. Одно-

временно с этим под натиском врага отступали и пешие казаки. В отличие от всадников, у них было меньше шансов уйти от конницы на открытой местности, поэтому восставшие предпочли укрыться под защитой табора. Переправиться 30 июня они не сумели (громоздкий вагенбург не мог быстро перейти реку), и казакам пришлось сесть в осаду. 10 июля в блокированном казачьем лагере вспыхнула паника, и они бежали через Пляшевку, преследуемые поляками – то есть закончили битву так же, как и их союзники-крымцы. При этом факт переговоров (оказавшихся безуспешными) осажденных казаков с польской стороной хорошо известен по источникам, в отличие от переговоров между ханом и королем.

На первый взгляд, наше мнение может казаться сомнительным: ведь в многочисленных работах украинских авторов события под Берестечком подаются так, как будто это казаки активно участвовали в боях 28–30 июня. Увы, это всего лишь попытка выдать желаемое за действительное. «Эффект казачьего участия» достигается за счет того, что цитаты из источников об атаках татар подаются так, чтобы вызвать у читателя впечатление о том, что в действительности врага атаковали украинские казаки.

В качестве примера приведем следующую цитату из воспоминаний польского шляхтича М. Емеловского о битве 29 июня: «На построенное в таком порядке войско крымский хан, предупрежденный о посполитом рушении на левом крыле, на то крыло мощно ударил и немного замешательства в воеводствах устроив и немало в воеводстве серадзском и ленчицком и в земле саноцкой и хелмской шляхты с коней сбив, аж к вспомогательной кварцяной гетманской хоругви своими султанами и агами пробился» [33, р. 22]. А вот как этот же отрывок преподносит украинский историк В. Брехуненко в своей книге о битве под Берестечком: «Первым не выдержал натиск левый фланг: полки посполитого рушения оказались не готовыми к упорному сопротивлению. Вследствие этого казаки и татары, «немало шляхты в воеводстве серадзском и ленчицком и в земле саноцкой и холмской свалив, аж к вспомогательной гетманской хоругви пробилась» [5, с. 88].

Как видим, в изложении М. Емеловского «немало шляхты в воеводстве серадзском и ленчицком» перебили татары. Однако В. Брехуненко не только добавляет к ним казаков, но и ставит их на первое место («казаки и татары»). Таким образом, ожесточенный натиск татарской конницы под его пером превращается в атаки казаков и татар, после чего читатель узнает, что татары на третий день битвы обратились в бегство – хотя казаки якобы уже почти победили. Но если убрать необоснованное приписывание казаков к татарам и цитировать источники целиком, то выяснится, что за все три дня 28, 29 и 30 июня казаки сами не добились вообще никаких значимых результатов. Все их заслуги появляются благодаря добавлению казачьих контингентов к татарам в трудах украинских исследователей. Стоит добавить, что подобный

прием В. Брехуненко использует и в других работах, описывая иные сражения восстания Хмельницкого. Так, при описании первого дня битвы под Зборовым 15 августа 1649 г. он везде упоминает «казаков и татар», которые победоносно наступали на врага, и в подтверждение этому цитирует польские источники [4, с. 34]. Однако при сверке с ними выясняется, что поляки почти везде упоминают одних только татар [36, р. 436–437].

Украинские историки объясняют бегство интригами Исляма III Герая или тайным соглашением с польским королем Яном II Казимиром. Это заявление делает честь крымскому войску: ведь любая армия после трехдневного изматывающего сражения, находясь под интенсивным огнем воздействием противника, может обратиться в бегство. Однако крымские татары были настолько суровы, что ни большие потери, ни артиллерийский обстрел, под которым едва не погиб сам Ислям Герай, не могли их поколебать. Лишь политические игры хана, и ничего более, заставили несокрушимых крымцев покинуть поле боя. А чтобы придать этого намеренному бегству убедительности, татары бросили по пути личные вещи, оружие, раненых и убитых товарищей.

И. Гаврилюк, однако, ставит под сомнение возможность «подкупа» хана королем, указывая, что у Яна II Казимира попросту не было на это денег [31, р. 260] (польские власти традиционно испытывали трудности с оплатой службы даже своих собственных войск, не говоря уже о деньгах для Исляма III Герая). Неясные слухи о тайных контактах крымской и польской стороны, по его мнению, не имеют надежной основы, и на самом деле «поводом для отступления татар из-под Берестечка стало их поражение, однако нежелание Исляма Герая вести эту войну является бесспорным фактом» [31, р. 259–260].

Взгляд источников. Чтобы показать, что наше видение битвы более верно, чем позиция ряда украинских авторов, мы перечислим источники о Берестецкой битве и покажем, как они объясняют бегство крымского хана.

Источники, объясняющие бегство крымского хана военным поражением и успешными наступательными действиями польских войск:

1. Хроника города Мостиска [6, с. 188; 13, с. 459] (идентичное содержание: «Запись в городской книге г. Мостиска за 1651 г. про Берестецкую битву» [6, с. 35]).

2. «Реляция о славнейшей победе найяснейшего и могущественнейшего государя, государя Яна Казимира, короля Польши и Швеции, над крымским ханом и объединившимися [с ним] мятежными казаками, одержанной 30 июня 1651 года под Берестечком» (12–13 июля 1651 г.) [6, с. 37; 16, с. 557–558].

3. Реляция из рукописи вышеградского стольника Млоцкого про битву под Берестечком (июль 1651 г.) [6, с. 39; 13, с. 239].

4. Вестовое письмо царского посла к Б. Хмельницкому подьячего Г. Богданова [8, с. 110–111]. В данном случае, правда, со слов И. Выговского вы-

ходит, что хан якобы не принимал участия в битве, однако его бегство не объясняется неким злым умыслом. К тому же и бегство самих казаков (покинувших лагерь 10 июля 1651 г.) также никак не поясняется.

5. Письмо польского шляхтича С. Войша к королевичу Каролю (Берестечко, 1 июля 1651 г.) [6, с. 71].

6. Письмо немецкого офицера В. Краузе к неизвестному (Берестечко, 2 июля 1651 г.) [6, с. 82–83].

7. Письмо молдавского господаря Василия Лупула к великому коронному гетману М. Потоцкому (Яссы, 1 августа 1651 г.) [6, с. 87; 16, с. 592–593].

8. Письмо коронного канцлера, гнезненского архиепископа А. Лещинского к королевичу Каролю (Берестечко, 1 июля 1651 г.) [6, с. 88].

9. Письмо сандомирского воеводы В. Мишковского к неизвестному (Берестечко, 1 июля 1651 г.) [6, с. 92; 36, р. 642].

10. Письмо галицкого стольника А. Мясковского к неизвестному (Берестечко, 2 июля 1651 г.) [6, с. 105] (идентичное содержание: письмо А. Мясковского королевичу Каролю Фердинанду про ход битвы с 28 до 30 июня [9, с. 221–222]; диариуш шляхтича Станислава Освенцима [38, р. 339–343]).

11. Немецкий «летучий листок» (Берестечко, 30 июня 1651 г.) [6, с. 113; 13, с. 203].

12. Немецкий «летучий листок» (Познань, 11 июля 1651 г.) [6, с. 113; 13, с. 203].

13. Письмо польского шляхтича Р. Пясецкого к королевичу Каролю (Берестечко, 2 июля 1651 г.) [6, с. 116–117; 16, с. 530–531].

14. Письмо коронного подканцлера А. Тжебицкого гнезненскому архиепископу Лубеньскому (Берестечко, 30 июня 1651 г.) [6, с. 125–126].

15. Письмо польского шляхтича А. Тиравского главнокомандующему трансильванскими войсками Я. Кемени (Берестечко, 16 июля 1651 г.) [6, с. 126].

16. Письмо папского нунция Джованни де Торреса в Ватикан (Варшава, 8 июля 1651 г.) [6, с. 130].

17. Письмо немецкого офицера И. Хартунга неизвестному (Варшава, 10 июля 1651 г.) [6, с. 130; 16, с. 541–542]. Сообщение И. Хартунга часто используется как доказательство «измены» Исляма III Герая, хотя он писал, что переговоры между крымским и польским монархами так и не состоялись, а бегство крымских татар было вызвано артиллерийским огнем противника.

18. Письмо А. Мясковского другу (Берестечко, 3 июля 1651 г.) [13, с. 200–201].

19. Письмо А. Мясковского королевичу Каролю о битве под Берестечком [16, с. 545–546].

20. Диариуш неизвестного польского автора под Берестецкую битву. 23 июня – 3 июля 1651 г. [6, с. 158].

21. Хроника (1646–1655 гг.) неизвестного польского шляхтича [6, с. 186].

22. «Летописец или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося на Украине малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно и когда гетманом был казацким» Я. Лизогуба [6, с. 188].
23. Короткая польская летопись неизвестного автора [6, с. 193].
24. «Воспоминания о казацких войнах при Хмельницком» неизвестного автора [6, с. 195].
25. Мемуары А. С. Радзивилла [6, с. 201–202; 13, с. 451–453].
26. Мемуары шляхтича М. Емеловского [33, с. 23–24].
27. «Автобиография» великого литовского хорунжего Б. Радзивилла (1620–1669 гг.) [13, с. 458].
28. «Коннотаты случаев дома и в стране» ленчицкого старосты С. Вежбовского [6, с. 211].
29. «История войны казаков против Польши» П. Шевалье [6, с. 213].
30. «Война скифо-казацкая, или про сговор татар, казаков и руськой черни против Польского королевства, уничтоженный непобедимым королем Польши и Швеции Яном Казимиром» королевского секретаря И. Пастория [6, с. 218–219].
31. «История Польши» И. Пастория [6, с. 228–229].
32. «Театр Европы» Й.-Г. Шледера [13, с. 472].
33. «Феникс» Я. Суши [6, с. 265].
34. Стихотворение В. Коховского «Берестецкую битву воспевает Аполлон» [6, с. 268].
35. «Войны короля Яна Казимира» неизвестного автора [6, с. 269].
36. Письмо из королевского лагеря краковскому епископу с описанием боев под Берестечком [16, с. 527–528] (1 июля 1651 г.).
37. Письмо неизвестного автора неизвестному (Берестечко, 11 июля 1651 г.) [13, с. 220–221].
38. Письмо неизвестного автора неизвестному. «Копия письма из лагеря 11 июля (1651). Описание казацкого бегства» (Берестечко, 11 июля 1651 г.) [13, с. 225–226].
39. Письмо молдавского господаря Василия Лупу великому коронному гетману М. Потоцкому (14 июля 1651 г.) [13, с. 226–227].
40. Немецкая газета города Нейсе (17 июля 1651 г.) [13, с. 241].
41. «Дневник войны под Берестечком с крымским ханом и запорожскими казаками во время счастливого правления короля его милости Яна Казимира, на каковую войну сам персонально выступил из Варшавы в 1651 году» [13, с. 273–275].
42. «Песня про битву с татарами и с казаками под Берестечком 30 июня 1651» [13, с. 462–464, 642].
43. Стихотворение «Плач о родине» польского автора [13, с. 467–468, 645–646].

44. Панегирик (?) Я. Вишневецкому М. Калушовского [13, с. 478–479].
45. «Елогиум... князю Яреме Вишневецкому...» (между 1651 – июнем 1669 гг.) [13, с. 479–480].
46. Хроника С. Грондского [13, с. 483–484].
47. «Виршованная хроника» (1682) [13, с. 508–512].
48. Реляция про Берестецкую битву [13, с. 571–572].
49. «Дневник войны с казаками и татарами» [13, с. 574].
50. Письмо ксендза-иезуита Карвата неизвестному (Берестечко, 1 июля 1651 г.) [13, с. 575].
51. Письмо молдавского дипломата Е. Кутнарского подольскому судье Л.-К. Мясковскому (Яссы, 23 июля 1651 г.) [13, с. 585–586].
52. Письмо хана Исляма III Герая гетману Б. Хмельницкому [14, с. 16–17].
53. Письмо ханского везира Сефер Гази-аги молдавскому господарю Василию Лупу (22 марта 1652 г.) [9; 272–273; 14, с. 23–24].
54. Новость из Варшавы (10 (?) мая 1652 г.) [14, с. 33–34].
55. Разговоры татарских пленных, записанные поляками в июле 1652 г. [14, с. 48].
56. Анонимное письмо об ответе коронного канцлера на письмо Сефера Гази-аги под Жванцем [14, с. 117].
57. Мемуары французского посла в Швеции П. Шаню [14, с. 200].
58. Г. де Тандра, «Про выборы нового короля и про бунтующую и непокойную Польшу...» [14, с. 236].
59. Речь польского посла С. Голинского в Москве [14, с. 253–255].
60. Немецкоязычная брошюра о Берестецкой битве [14, с. 308].
61. Немецкоязычная печатная реляция про Берестецкую битву «Достоверное донесение из королевского лагеря под Берестечком про то, как собственно происходило счастливое столкновение с казаками и татарами с 28 июня по 3 июля 1651 года» [14, с. 319].
62. Письмо великого коронного гетмана М. Потоцкого великому коронному канцлеру А. Лещинскому (2 ноября 1651 г.) [3, с. 636].
63. Речь великого коронного канцлера С. Корыцинского перед членами русского посольства в Варшаве в ходе переговоров 27 июля 1653 г. [8, с. 341].
64. «Хроника города Львова от 1634–1690 гг.» Я. Т. Юзефовича [35, р. 144–145].
65. Летописец И. Ерлича [34, р. 121].
66. Польский диариуш битвы под Берестечком [40, р. 120–121].
67. Новости из польского лагеря под Берестечком об осаде казаков (30 июня 1651 г.) [9, с. 206–207].
68. Письмо А. Могилянки краковскому подстаросте И. Сметанке про новости из польского лагеря под Берестечком 27–30 июня (6 июля 1651 г.) [9, с. 208].

69. Новости из лагеря под Берестечком [9, с. 209–210].

70. Новости о призыве крымского хана Исляма III Герая к королю Яну II Казимиру сразиться под Старым Константиновым [9, с. 210].

71. Диариуш похода коронной армии к Старому Константинову 17–20 июля 1651 г. [9, с. 210–211].

72. Воспоминания шляхтича Я. Лося [39, р. 4].

73. Летопись С. Величко. Несмотря на то, что само описание битвы в тексте этой летописи утеряно, С. Величко все же упоминает победу польского короля над ханом и большие потери татарского войска [17, с. 251, 254].

74. Инструкция Яна II Казимира польским комиссарам относительно условий заключения соглашения с Войском Запорожским (середина июля 1651 г.) [16, с. 562].

75. Инструкция правительства Речи Посполитой послу К. Шиманскому, направляемому в Калмыцкую Орду с целью склонить ее выступить против крымского хана (апрель 1653 г.) [16, с. 662–663].

76. Королевские инструкции польскому послу в Стамбуле М. Бегановскому (11 сентября 1654 г.) [32, р. 94].

Источники, объясняющие бегство крымского хана опасением предательства казаков:

1. Донесение воевод Т. Щербатова и В. Апраксина в Разрядный приказ про Берестецкую битву (июль 1651 г.) [6, с. 42–43].

2. «Кройника о земли полской» Ф. Сафоновича [13, с. 495].

3. Летописец В. Дворецкого [13, с. 495].

Источник, объясняющий бегство хана внутренними проблемами в крымском войске:

1. Письмо молдавского посла в Стамбуле неизвестному (после 13 июля 1651 г.) [13, с. 260–262]. Причиной отступления Исляма III Герая назван уход добруджцев из-за украденных ногайцами коней.

Источники, объясняющие бегство крымского хана тайным соглашением с польским королем:

1. Донесение воевод С. Прозоровского и И. Чемоданова в Разрядный приказ про Берестецкую битву по свидетельству участника битвы М. Забабуры [8, с. 95–96].

2. Летопись Самовидца [21, с. 60].

Источники, объясняющие бегство крымского хана «изменой», но не объясняющие ее соглашением с королем:

1. Запись рассказа царского посла к Б. Хмельницкому, подьячего Г. Богданова в Посольском приказе про события в Украине [6, с. 48].

2. Летопись Г. Грабянки [17, с. 907].

Источники, никак не объясняющие бегство крымского хана:

1. Донесение царского воеводы Б. Репнина в Посольский приказ в Москве про события в Украине (со слов купца А. Шейнина) [6, с. 49].

2. Запись рассказа каневского полковника С. Савича в Посольском приказе в Москве про Берестецкую битву [8, с. 134]. Хотя рассказ С. Савича также иногда используется как аргумент в пользу наличия злого умысла у Исляма III Герая, однако сам полковник не приписывал бегство хана желанию предать. К тому же С. Савич излагал события под Берестечком столь путанно и ошибочно, что доверять им не имеет смысла (например, он писал, что татары не принимали участия в боях 28 и 29 июня, а Ислям Герай побежал вечером 29 июня, что противоречит всем источникам).

Всего мы учли 84 источника с разными пояснениями поражения хана. Из них 76 (90,48%) объясняют его успешными действиями польских войск, 1 (1,19%) – внутренними проблемами в крымском войске, 3 (3,57%) – опасением предательства со стороны казаков и еще 4 (4,76%) – «изменой» со стороны Исляма III Герая. Четыре из восьмидесяти трех, которым оказывается доверие лишь потому, что они сообщают «нужную» информацию. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что 90% учтенных нами источников (чья информативность достаточна для реконструкции произошедших событий) не подтверждают реальность мифа о намеренном бегстве хана. Количество же источников, указывающих, что Ислям III Герай боялся казачьего предательства, сравнимо с количеством источников, сообщающих о том, что хан предал казаков. Тем не менее источники о «предательстве» казаков украинскими историками по понятным причинам в расчет не берутся.

Источники, повествующие об «измене», весьма кратко и без подробностей описывают поведение крымского хана. Например, Самовидец сообщал: «Крымский хан начал с королем его милостью о чем-то договариваться, и начали бой, и сейчас же хан с ордами отступил, оставив казаков одних» [21, с. 60]. Самовидец не приводит никаких подтверждений сговора Исляма III Герая и Яна II Казимира, а лишь пишет про некую договоренность, т. е. передает чьи-то слухи или собственное мнение. Точно так же, безо всяких подробностей и фактов, «измена» крымских татар изображена в прочих источниках данной категории. Так, Г. Грабянка писал: «Ибо случилось как-то так, что хан, когда начал вводить свои отряды в битву, увидел казаков, которые спешили ему на помощь с левого фланга и напоролись на свои пушки и несколько отошли, то хан повернул свои отряды назад и оставил казаков одних. Те, увидев такое, тоже начали отходить от своего табора» [17, с. 907]. Вот те скудные подробности, которые сообщают нам источники о «предательстве» Исляма III Герая. Эти лишённые конкретики умозаключения сильно контрастируют с подробнейшими описаниями битвы в польских источниках. Даже украинские историки, поддерживающие миф о «предательстве», не строят свою аргументацию на вышеприведенных источниках – из-за их малой информативности. Вместо этого они называют хана предателем, но аргументы

черпают в источниках, которые вовсе не писали о политических мотивах отступления Исляма III Герая, полагая, что крымские татары потерпели военное поражение.

После Берестечка. Источники не дают оснований предполагать, что под Берестечком была инсценирована битва. Об этом свидетельствует восприятие крымских татар поляками, украинцами и русскими до и после битвы под Берестечком (оно осталось прежним) и мнение самих крымцев о произошедшем событии.

Восприятие украинцами крымских татар после битвы под Берестечком. Источники показывают, что повстанцы после битвы под Берестечком продолжали считать Крым своим союзником и протектором, опорой в борьбе с Польшей и гарантом существования казацкой автономии.

Уже через несколько дней после битвы Б. Хмельницкий зачитывал в Павлолучи письма, присланные Ислямом III Гераем, в которых хан обещал поддерживать казаков. «Туда же пришли ханские универсалы к полковникам и всей черни, в которых [хан] оправдывается, что хотя отступил из-под Берестечка, но сделал это вовсе не из страха, но из-за болот и лесов; однако, он не так отступился от Войска Запорожского, чтобы не вернуться, а готов прибыть со своими ордами при первом извещении об опасности от ляхов. Эти универсалы Хмельницкий приказал читать публично для ободрения черни» [16, с. 597]. Более того, гетман после получения ханских писем сам рассылал универсалы, убеждая русинов, что нужно продолжать сопротивление и что татары также будут стремиться смыть с себя недавний позор [13, с. 490].

Как стало известно польскому командованию, после своего поражения под Берестечком Б. Хмельницкий «...неустанно волнует чернь, все время распуская слухи о прибытии татарских подкреплений и посылал с изменником Хмелецким в Белую Церковь одного татарина, чтобы тот говорил якобы к ним на помощь идет 20 тысяч татар» [16, с. 605–606]. Агитация казацкого лидера возымела действие: «Надеясь на татарские подкрепления, чернь хочет или защищаться, или уходить к Хмельницкому» [16, с. 606]. 17 июля 1651 г. Хмельницкий издал универсал, призывая казаков собираться у Белой Церкви. Он отмечал, что «Орда также уже наготове» [9, с. 226–227].

Если бы хана считали «изменником», вряд ли казаки после Берестечка продолжали бы называть крымцев «защитниками своих свобод» и категорически отказывались бы разрывать союз с Бахчисараем даже в критической обстановке сентября 1651 г. К этому времени польская армия вместе с литовскими контингентами стояла под Белой Церковью, Киев был занят литовским гарнизоном, а уцелевшие казацкие силы уже не могли сами сдерживать натиск коронных войск. Тем не менее даже в такой тяжелой ситуации казаки и чернь категорически отказывались мириться с Польшей ценой отказа от союза с Крымским ханством.

На переговорах под Белой Церковью 13 сентября 1651 г. украинцы поясняли полякам, что эффективность огня («под Берестечком одна королевская пуля была сильнее сотни казацких») была одной из причин поражения. Указывали также и на то, что «...хан [Ислям III Герай] позорно бежал, хотя Магометом клялся вернуться назад за две мили» [37, р. 288]. Интересно, что Хмельницкий и казаки в разговоре с польскими комиссарами не указывали мотивов ханского бегства и не называли его преднамеренным. При этом польские источники отмечали нежелание гетмана разрывать союз с Крымским ханством. Вместо этого Б. Хмельницкий заявлял, что вместе с татарами пойдет войной на Турцию [37, р. 289]. Известия о переговорах возмутили рядовых повстанцев: они обвиняли гетмана в том, что он хочет предать украинцев и татар [13, с. 311, 597]. Переговоры не задались: 22 сентября депутаты от рядовых казаков прибыли в польский лагерь и заявили: «Его милость пан гетман [Богдан Хмельницкий] и войско запорожское требуют трех вещей. Чтобы зборовские пакты были полностью сохранены, чтобы [польский] воин назад ушел и не размещался на квартиры и чтобы с татарами не разрывали дружбу, ибо они являются охранниками наших свобод» [37, р. 297]. В ответ на слова поляков, что эти требования отличаются от условий, что были ранее согласованы с Б. Хмельницким, казаки ответили: «Не знаем, что было между вами, но теперь войско прислало нас с этим» [37, р. 297].

Срыв первого этапа переговоров привел к новому кровопролитию. Вероятно, Хмельницкий был вынужден согласиться на бой ввиду желания простых казаков. 23 сентября началась битва под Белой Церковью [37, р. 298–300]. 24 и 25 сентября продолжались бои, в которых татары действовали в тылу польских войск [37, р. 300–302]. Тем не менее положение обеих сторон оставалось неустойчивым. Польско-литовские полки, несмотря на тактическое превосходство, не могли быстро разгромить противника. Казаки рассчитывали на подход крупной крымской армии. Уступчивость поляков на втором этапе переговоров объясняется в том числе дошедшим до коронных войск известием о подходе конницы во главе с нуреддин-султаном Гази Гераем. 26 сентября начался второй раунд переговоров, на котором стороны сошлись на 20 тыс. реестра и размещении казачества в пределах Киевского воеводства.

Таким образом, после Берестецкой битвы украинцы продолжали рассчитывать на союз с Крымским ханством, а поляки – опасались подхода ханской армии. То, с каким уважением и надеждой повстанцы надеясь на крымских татар в сентябре 1651 г., не дает никаких оснований полагать, что хана считали «предателем». Хмельницкий и после Берестечка похвалялся перед поляками своим союзом с ханом. В письме киевскому воеводе А. Киселю 18 января 1652 г. он сообщал, что получил письмо от короля, в котором Ян II Казимир среди прочего предлагал гетману отправиться воевать с татарами. «Не буду искать татар в диких полях или в лесах; они сами ко мне придут,

лишь бы я им только сообщил, и притом – на все злое в отношении ляхов», – писал Б. Хмельницкий [16, с. 634]. Если бы украинцы 30 июня 1651 г. стали свидетелями «татарского предательства», обращение гетмана к авторитету крымского союзника выглядело бы странным. И еще более странными были бы надежды украинцев на крымских татар.

Одним из интересных явлений истории восстания Хмельницкого является постоянно высказываемые восставшими рассуждения о том, что в случае поражения от поляков они пойдут жить в Крым. Судя по источникам такие разговоры были частым явлением. Высказывали их самые разные люди: от простых казаков до старшины. В начале 1649 г. севские воеводы З. Леонтьев и И. Кобыльский писали в Разрядный приказ: «...А говоря де, государь, запорожские казаки меж себя: буде де их поляки осилеют, и они де, государь, многие хотят итти на твое государево цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси имя. А будет де, государь, твое царское величество их, казаков, под свою царскую высокую руку принять их не велишь, и они де, государь, думают итти в Крым и жить с татары заодно» [7, с. 134]. Слухи указывали и на географическое размежевание: правобережные жители хотят в случае окончательного поражения бежать в Крымское ханство, левобережные – в Россию [7, с. 211]. Мнение о возможной миграции в Крым высказывали и представители казацкой элиты, например, полковник М. Небаба [8, с. 27].

Это явно было распространенным мнением, так как и в декабре 1652 г. (уже после Берестечка) гадячский мещанин Якушко рассказывал русским: «...Как де они поляков не осилят и они де пойдут за Днепр в Крым, а с собою погонят и мещан, а как де мещане с ними не пойдут, и черкасы де тех всех мещан порубят». Да и про самого Б. Хмельницкого среди казаков еще в начале 1652 г. ходили слухи, что он хочет убежать от поляков в Крым [8, с. 203]. До Берестечка казаки часто заявляли, что готовы пойти жить в Крым, но не сдадутся полякам. После Берестечка эти высказывания не прекратились, что наглядно показывают отсутствие среди восставших устойчивых представлений о том, что татары их «предали».

В коллективном сознании украинского народа крымские татары оставались боеспособным и ценным союзником, который, однако, любил поживиться за счет захвата ясыря (в том числе украинского). Именно угон в неволю русинов был тем единственным распространенным пунктом критики союза с ханством, который известен нам из источников. В украинской народной песне выражается желание гибели Богдану Хмельницкому за его союз с татарами, ценой которого стало порабощение украинского населения [12]. Описывая казацкое войско под Белой Церковью, Мясковский в своей реляции 12 сентября 1651 г. писал, что «жалуются все, что у них татары жен и детей забирают» [37, р. 288]. В декабре 1652 г. в Москве состоялся разговор казацкого посланца С. Богданова и его товарищей с боярином

Г. Г. Пушкиным. Казаки говорили о союзе с Крымом следующее: «...Их черкаские войска не все на бою бывають, а многие живут на Украине для береженья от татар, потому хотя де те татаровя к ним на помочь и ходят, только им, черкасом, от тех татар бывает грабеж и розоренье, и в полон емлют многих людей. А отстать де им от них не мочно было, для того что они на поляков помочь чинили» [8, с. 246]. В конце декабря 1652 г. среди казаков ходили разговоры, что «...от ляхов и от татар пропали, татаровя де их емлют да в Крым водят, а ляхи де их секут» [8, с. 248]. Еще перед началом Жванецкой кампании 1653 г. И. Выговский писал в тайном послании думному дьяку Л. Лопухину: «Татарам уже не верим, потому что только утробу свою насытити ищут и мехи пенезми наполнити, а православных пленяти убивают» [19, с. 45]. Когда в июне 1653 г. казаки, собравшись на раду, обвиняли Б. Хмельницкого, что тот опирался на союз с Крымом, хотя крымцы и уводили в ясырь украинцев, гетман отвечал: «...вы говорите, что мне хан брат, и вы то сами ведаете, что мы их братством от сабли ляцкой свободили» [8, с. 300–301]. Во время Жванецкой кампании 1653 г. грабежи татар вновь стали причиной недовольства казаков и споров с татарскими мурзами [8, с. 307]. Выступая перед казаками на Переяславской раде в 1654 г. и предлагая им на выбор четырех государей, Б. Хмельницкий говорил о крымском хане следующее: «Крымский хан тоже басурман, которого мы по нужди и в дружбу принявши, каковыя нестерпимыя беды приняли есмь» [2, с. 218]. Как до, так и после Берестечка главным пунктом жалоб казаков на татар были грабежи и увод населения в рабство, но не «предательство», которого, похоже, современники попросту не заметили. В работах украинских историков постоянно подчеркивается, что союз с Крымским ханством был опасен из-за того, что татары «предавали» союзников. Однако сами украинские повстанцы считали союз опасным лишь из-за желания татар обогащаться за счет ясыря, не подозревая, что сотрудничают с «предателями».

Восприятие русскими крымских татар после битвы под Берестечком. Официально в дипломатических сношениях с Речью Посполитой Россия признавала Б. Хмельницкого бунтовщиком, выражая надежду, что он не сможет одолеть поляков. Царь Алексей Михайлович даже отправил Яну II Казимиру поздравление в связи с одержанной победой над «...супостатами и ворами запорожскими черкасами» под Берестечком [14, с. 255].

Показателен разговор гетманского посланца И. Искры и царских дьяков М. Волошенина и А. Немирова в Москве весной 1652 г. Дьяки спрашивали, не собирается ли Б. Хмельницкий в случае польского наступления уйти в Крым, так как «...у него, гетмана, с крымским ханом дружба большая». На это казацкий дипломат ответил, «...что де у гетмана у Богдана Хмельнитцкого была дружба с ханом крымским, и та де дружба учинилась поневоле: как де наступили на них поляки, и в то время ништо им, черкасом, помочи не учи-

нил, и они де по нужде призвали к себе на помощь крымского хана с ордою. И крымский де хан и татаровя, хотя им, черкасом, на поляков и помогали, а их же, черкас, самих разорили, дома их запустошили и в плен многих людей отвели. И того де он не чаёт, что гетману и Войску Запорожскому в то время пойти к крымскому: верить де им не в чом нельзе, и к крымскому они не пойдут» [8, с. 209]. Обратим внимание, что отсутствие обвинений в «предательстве» вовсе не вызвано желанием подчеркнуть крепость союза с Крымским ханством. Напротив, татары изображаются И. Искрой как опасные друзья, но – не предатели. Дьяки на это говорили, что «...к крымскому итти им непригоже, потому что они бусурманы, и верить им ни в чом нелзе, и никакого добра от них опричь розорения не чаять» [8, с. 210].

Великий коронный канцлер С. Корицинский говорил членам русского посольства в ходе переговоров в Варшаве (1653), что под Берестечком «... королевскому де величеству подал бог за ево, Хмельницкого, неправды на них победу: крымский хан со всею ордою, также и Хмельницкой с казаки, видя королевское величество в большом собранье, испужався, ис-под Берестечка побежали» [8, с. 341]. В свою очередь, русские дипломаты говорили С. Корицину о своем взгляде на крымско-казацкий союз, но ничего – о «предательстве» Исляма Герая.

Сам Б. Хмельницкий еще в 1653 г. угрожал, что если царь не возьмет его в подданство, то казаки присягнут султану и хану [8, с. 268]. Насколько царское правительство серьезно относилось к таким заявлениям, говорит и знаменитое решение Земского собора 1653 г. взять черкас к себе, «...чтобы их не отпустить в подданство турецкому салтану или крымскому хану, потому что они стали ныне присягою королевскою вольные люди» [8, с. 414]. Таким образом, восприятие крымско-казацкого союза в Москве не изменилось из-за событий 1651 г.

Восприятие поляками крымских татар после битвы под Берестечком. Поляки понятия не имели, что заключили некое секретное соглашение с крымскими татарами. Об этом ничего не сообщает ни один из множества польских источников о кампании 1651 г. Королевские военачальники воспринимали битву под Берестечком как «честную» победу над ханом, не считая, что она одержана с помощью неких интриг. В свою очередь в Крыму жаждали реванша за разгром своих войск.

Сразу же после бегства Исляма III Герая польские войска бросились в преследование, обратили в бегство татарский арьергард и атаковали крымские войска, в панике пытавшиеся перебраться через реку Пляшевку, в 20 км от поля битвы. Преследуя беглецов, поляки захватили по дороге от Берестечка на Козин множество брошенных татарами раненых, умерших, личных вещей и скота [13, с. 207]. Ротмистр Суходольский продолжал двигаться за ханом до самого Кременца и передавал польскому командованию слухи, будто

Ислям III Герай ранен в плечо, казачий гетман бежит с ним, а дорога усеяна телами погибших [13, с. 207, 576]. Лишь у Вишневецца Суходольский заметил, что трупов больше нет – татары пришли в себя и стали забирать с собой умирающих от ран товарищей. «Татары на каждой переправе топились, которых везде видим трупы, также коней», – писал шляхтич Бжостовский [13, с. 579].

Но вероятность возвращения крымского войска на поле битвы исключать было нельзя, и в коронном лагере постоянно ходили слухи, что Ислям III Герай идет на выручку своим союзникам. Это вынуждало королевское командование опасаться возвращения врага и быть готовым отправить часть войска против предполагаемой угрозы [13, с. 584]. Мясковский в письме королевичу Каролу 10 июля упоминал неких трусов, распространяющих в польском лагере «фальшивые» слухи о том, что хан из-под Вишневецца двинулся на выручку казакам [6, с. 107–108]. Переживания польского командования и отправка подьездов с целью выяснения местонахождения хана не должны удивлять. Как отмечал Р. Пясецкий в письме королевичу Каролу 7 июля 1651 г.: «Если не будем иметь позади орду, сможем быстрее и спокойнее ликвидировать опасность со стороны казаков» [6, с. 118]. Другой польский современник также отмечал наличие панических слухов среди коронных войск, указывая, что некие трусы «...распространяли разные известия: будто бы хан идет и будет нас осаждать» [6, с. 152]. После битвы М. Потоцкий по поручению короля «...писал письма в Крым, настойчиво требуя выдачи Хмельницкого, притом обвиняя их [татар], что «вы предательски вошли во владения моего государя, поэтому и я навещу вас в Крыму» [16, с. 569–570].

По мнению поляков, поражение под Берестечком не повлияло на крепость крымско-казачьего союза. Об этом писал М. Потоцкий королю из-под Ямполья 22 июля 1651 г., сообщая, что Хмельницкий издает универсалы, призывая продолжать сопротивление: «...Меня тревожит, что этот предатель издал эти универсалы; значит, надеется на татарскую помощь» [13, с. 245]. «Султан Калга, как показывает один татарин, идет к Хмельницкому», – сообщал польский современник во время наступления коронной армии на Правобережную Украину. Это известие вызвало опасения поляков [16, с. 616]. В августе 1651 г. один из польских полковников писал, что «...Хмельницкий не устает сотрудничать с Крымом» [13, с. 264]. Поляки все еще считали, что Крымское ханство является главным союзником восставших русинов и способно воевать против Речи Посполитой. В случае наличия неких тайных договоренностей между ханом и королем подобное мнение было бы немислимым.

2 ноября 1651 г. М. Потоцкий писал великому коронному канцлеру А. Лещинскому, что, согласно полученным им из Крыма известиям, «им (т. е. татарам) стыдно за берестецкое поражение, и как это исправить, они не знают» [3, с. 636]. Почему проигранная битва так сильно задела воинскую честь

крымцев? Потому, что бегство не было преднамеренным: татары не стали бы испытывать комплексы по поводу умышленного отступления.

После битвы под Охматовом 1644 г. победоносные поляки прекратили вылату упоминков в Бахчисарай и при королевском дворе начали строить планы наступательной войны против Крыма. Похожий эффект имела и битва под Берестечком. Как сообщал С. Голинский, в его присутствии, находясь под впечатлением от своего триумфа, король и польское правительство обсуждали планы военной кампании против Крымского ханства [14, с. 255]. Вероятно, отзвуки этих планов мы находим в королевских инструкциях польскому послу в Стамбуле М. Бегановскому 11 января 1654 г.: после победы под Берестечком поляки могли бы завоевать и сам Крым, но король отказался от этого намерения, чтобы не нарушать соглашение (вероятно, с турецким султаном) [32, р. 94]. В марте 1654 г. М. Бегановский говорил силестрийскому паше, что хан ушел из-под Берестечка, опасаясь сражаться с Яном II Казимиром [16, с. 754].

Поляки считали, что одержали неслыханную до сих пор победу. «Еще никогда такая многочисленная орда, которая вышла в поле, так не бежала», – гордился коронный подканцлер А. Тжебицкий [6, с. 126]. В инструкции правительства Речи Посполитой послу К. Шиманскому, направляемому в Калмыцкую Орду, значилось: «...[Крымский хан] с помощью праведного господина в прошлом году был обращен в позорное бегство и потерпел большой урон под натиском войск е. к. м.⁷ – несмотря на то, что шел против королевского войска с огромным количеством бунтовщиков» [16, с. 662–663].

Нельзя забывать, что на переговоры под Белой Церковью польско-литовское командование было вынуждено пойти в том числе ввиду известий о приближении сильного крымского войска во главе с нуреддин-султаном Гази Гераем к Корсуню, городу, расположенному всего в 90 км от Белой Церкви [16, с. 375]. Ислям III Герай писал Б. Хмельницкому, что отправил войско (половину всех крымских сил) во главе со своим братом нуреддин-султаном, Сефером Гази-агой, Субханом Гази-агой и другими военачальниками в помощь союзникам [13, с. 331; 36, р. 644]. Впрочем, по прибытии этих войск Б. Хмельницкий поспешил заверить М. Потоцкого, что отправит их обратно без вреда для Речи Посполитой [13, с. 328] и отказался соединиться с татарами и совместно действовать против Польши [13, с. 601], упустив, быть может, возможность изменить ход кампании в свою пользу. Тем не менее М. Потоцкий, опасаясь татарского нападения (в польском лагере оценивали татарское войско в 14 тыс. [16, с. 626]), задержал свое войско в лагере под Белополем.

Ислям Герай, крымские татары и битва под Берестечком. Хотя Ислям III Герай не горел желанием снова начинать военное противостояние с Речью Посполитой, тем не менее нет оснований считать, что, выступив в поход, он

⁷ Его королевской милости, т. е. короля.

хотел уклониться от битвы. Следует отметить, что выступление огромной армии во главе с самим монархом, стремление знати и простых воинов добыть себе славу и добычу, репутация хана как лидера и военачальника означали, что он не имеет права потерпеть поражение. Ислям III Герай это прекрасно понимал: сами татары считали, что их правитель настроен решительно. Так, буджакский татарин сообщал пленившим его полякам со слов своего аги, что хан говорил: «...Мы пришли с таким большим войском, и, даст Бог, не напрасно» [13, с. 200].

Однако, хотя Б. Хмельницкий обещал, что поляков всего 15–20 тыс., реальная численность коронного войска оказалась в 3–4 большей [13, с. 570, 575; 16, с. 531]. Согласно польским источникам, раздраженный хан после битвы требовал с гетмана денежный выкуп и говорил: «...Ты меня сюда напрасно привел и опозорил» [13, с. 589]. Из Животова хан отправил письмо турецкому великому везиру, в котором заявлял, что успешно бился с поляками, отрицая тем самым свое поражение [13, с. 256]. Достигнув Старого Константинова, Ислям III Герай отправил королю письмо, «...в котором, желая прикрыть большой стыд из-за бегства, признавал, что бежал, заявляя, однако, что готов сразиться в тамошних просторных полях, а не возле берестецких болот... В том же листе добавлял, что охотно ожидает под Константиновым если не самого короля, то хотя бы руських панов» [38, р. 346]. Хан приглашал короля встретиться для сражения на открытой местности. Но писарь-поляк, писавший это письмо, дописал в конце, что в действительности хан уже не собирается сражаться и напуган разгромом своей армии [6, с. 172; 13, с. 226]. Схожее письмо Яну II Казимиру написал Сефер Гази-ага [13, с. 585–586]. Как отмечал французский посол в Швеции П. Шаню, во время осады поляками казачьего табора татары вызывали короля на бой [14, с. 201]. Также после битвы хан написал М. Потоцкому, обвиняя его в том, что тот не прислал большую часть выкупа за своего сына (который остался в Крыму в залог за отца) и что поляки нарушили Зборовский договор [14, с. 250–251]. Поляки восприняли подобные письма как признак слабости, решив, что Ислям III Герай «...возвращается в Крым с большим стыдом» [6, с. 131]. Переписка между крымскими и польскими элитами после битвы не содержала никаких любезностей и радости по поводу тайного соглашения – напротив, это была переписка между враждующими сторонами.

С. Голинский сообщал, что крымский гонец после битвы привез королю предложение обменять Б. Хмельницкого на трех пленных мурз. Ян II Казимир на это будто бы ответил: «...Я де за своего холопа, за подданого не дам и простого татарина, а найду де яз ево и в Крыму» [14, с. 254]. Это наверняка приукрашенная для московских слушателей история, ибо из других источников известно, что это польские паны пытались добиться у Исляма III Герая выдачи гетмана, однако тот отказал.

Состояние крымского войска после поражения было плачевным. Молдавский посланец, сопровождавший хана в кампании 1651 г., сообщал своему господарю, «...что татары были очень встревожены, и если бы была за ними какая-то погоня, которой они больше всего боялись, немного их бежало бы в Крым, везде на переправах топились и давились. Очень много раненых они с собой везут» [13, с. 227]. О тяжелой переправе через Днестр, сопровождавшейся потерями среди войск, сообщал Суходольский [13, с. 219]. Е. Кутнарский писал 23 июля из Ясс подольскому судье Л.-К. Мясковскому, что «...буджацкие татары по несколько дней под Тягиной и на других переправах начали переправляться по 20–30 коней и то раненые, больные, пешие» [13, с. 586].

Если бы Ислям III Герай действительно тайно сговорился с королем, мы могли бы ожидать, что русские посланники в Крыму, наблюдавшие возвращение воинов из похода и постоянно общавшиеся с крымцами, несомненно, писали бы о том, что татары вернулись довольные. Ведь они якобы провернули удачную политическую комбинацию, обманули казаков и заключали некое соглашение с Польшей. Однако русские увидели понурых, израненных, побитых воинов, потрясенных собственным поражением и потерями: «...полону польского и литовского татаровя ниhto с собою в Крым не привел потому, что у польских людей воинское собранье большое, и бой де у царя и у нурадына с польскими людьми был под Сакалем. И польские де люди царю и нурадыну учинились сильны, побили у них татар многих людей, и шатры царевы, и лошади со вьюки многие отбили совсем. И царь де и нурадын з достальными людьми от польских людей одва ушли, а больши того у черкас не стояли, бежали в Крым день и ночь. А иные мурзы и татаровя после царева приходу пришли в Крым пеши многие люди... А с польским королем у Хмельницкого вперед миру или войны чаять, про то подлинно татаровя ниhto не ведают» [7, с. 486].

Ислям III Герай считал произошедшую битву ударом по своей репутации и болезненно переживал разгром своего войска. Показательно, что хан от злости приказал перебить в разгар сражения захваченных польских пленников [13, с. 273], что было бы странно в случае существования неких тайных договоренностей между Бахчисараем и Варшавой. Впоследствии хан был готов и дальше поддерживать казаков, и в конце 1651 г. союзный договор был продлен с условием, что казаки будут оказывать помощь Крымскому ханству в военных кампаниях [22, с. 233]. В феврале 1652 г. Ислям III Герай писал Б. Хмельницкому: «А что под Берестечком мы были вынуждены, не выдержав, отступить с нашим войском и ничего не добившись, считай ни с чем должны были возвратиться, то теперь, желая это исправить и вернуть нашу славу, мы задумали как можно быстрее с силой наших войск выступить против поляков будущей весной, про что и вам дадим знать, чтобы вы с нами

объединились» [14, с. 16–17]. Вероятно, моральное потрясение и обида на казаков еще давали о себе знать, ибо в письме хан также угрожал гетману, что в случае отказа казаков воевать с поляками Крым будет воевать и с самими казаками.

После Берестечка польская пропаганда так активно хвастала по поводу одержанной победы, что это вызывало сильное раздражение в Крыму. Ханский везирь Сефер Гази-ага писал молдавскому господарю Василию Лупу 22 марта 1652 г.: «Мы по Божьей милости по крайней мере не беспокоимся по поводу того, что польский король не придерживается договора с нами, а если он гордится тем, что наше войско один раз дало себя разбить, из-за чего там осталось 30 или 40 татар, то в таком случае тут в неволе [больше поляков] страдает, а кроме того потом под Белой Церковью на казаков пришли, тогда этих язычников пропало там триста или четыреста, которые теперь остаются в тяжелой неволе у татар. Пусть будет восхваление Господу Богу, что мы за их мир нисколько не держимся, татарские и ногайские войска искренне желают войны с поляками» [14, с. 23–24]. Ислям III Герай 22 марта писал господарю: «Пусть будет восхваляем Господь Бог, что мы, не доверяя полностью договору, который был заключен с польским королем, летом, зимой и ежечасно имеет всегда готовые татарские, ногайские и все крымские войска, которые постоянно просят про войну с поляками, покорно обращаясь к Богу. Про что сами лучше можете знать и если [поляки], разорвав договор, отправят войско против запорожских казаков, пусть знают про то, что наши татары сжалются над их [казацкими] душами и не оставят их спасение ни летом, ни зимой» [14, с. 21–22].

Согласно новостям из Варшавы (май 1652 г.), татары и казаки выступили в поход против польской армии, желая реванша: «...особенно когда год назад получив взбучку под Берестечком и позорно бежав, а счастье дал Бог нашему королю, поэтому захочет отомстить за это поражение» [14, с. 34]. Простые пленные, взятые поляками, говорили между собой о планах союзников на кампанию 1652 г.: «Хмельницкий с ханом добудут себе славу и хотят ею реабилитироваться, ибо такого позора никогда не было в Крыму, ибо с такой большой мощью был хан и Хмельницкий, и бежали. Если бы за ними погнались, то и сами утопились бы [на переправах]» [14, с. 48].

Итак, одна сторона (поляки) искренне гордилась военной победой над старым врагом, другая сторона (крымские татары) тяжело переживала свое поражение и жаждала реванша. Ничто в поведении как польских, так и крымских элит не дает оснований предполагать некое загадочное «предательство». Секретный сговор – это последнее, что может прийти на ум при изучении источников о взгляде поляков и татар на Берестецкую битву.

Как украинцы объясняли бегство крымского хана из-под Берестечка?
Современная трактовка бегства крымских татар рядом украинских истори-

ков очевидна – состоялось зловещее «предательство». Как же объясняли себе и остальным бегство Исляма III Герая сами казаки? После поражения под Берестечком в Москву ездил казацкий посол С. Савич, который пояснял произошедшее событие так: «...на крымского хана неведомо какой страх нашёл» [8, с. 134]. Даже выступая перед русскими, то есть аудиторией, перед которой можно было не стесняться в выражениях по поводу крымского хана, посол Б. Хмельницкого не стал обвинять татар в сговоре с королем.

Тем не менее отдельные слухи об умышленном бегстве крымцев среди казаков действительно циркулировали. Причиной таких слухов была нервная обстановка в казацком лагере под Берестечком. На глазах у казаков их союзники бежали с поля боя, Б. Хмельницкий и И. Выговский ушли к Исляму III Гераю и не вернулись. Источники отмечают, что среди растерянных казаков начались брожение и споры [13, с. 198, 212–213]. Вообще же, быстрая перемена настроения и мгновенный переход от одних взглядов к другим были нормальными явлениями для казацкого социума даже в мирное время. А в такой сложной ситуации, в какой оказались повстанцы после 30 июня, возникновение самых невероятных слухов одного за другим было просто неизбежно. Одни казаки считали, что татары занимаются грабежом Украины и помощи ждать неоткуда [13, с. 213], другие – что хан вот-вот подойдет к ним на помощь и спасет от польской армии [13, с. 216, 453, 577]. Поляки связывали, упорство казаков с их надеждой на помощь крымцев [13, с. 453]. Мяковский писал королевичу Каролу 8 июля 1651 г., что «окруженные в лагере казаки все время нас изводят то переговорами, то просьбами о милосердии, то якобы движением татарских отрядов» [6, с. 107].

Задача историка заключается не в выборочном цитировании лишь тех источников, что удовлетворяют идеологически правильной позиции (в данном случае – что казаки считали татар предателями), а освещении всей картины в целом. Лишь такой подход позволит понять, почему в казацком лагере возникали противоречащие друг другу слухи. Важно отметить, что оставшиеся на поле боя казаки не знали точно ни мотивов ханского бегства, ни планов Исляма III Герая на будущее: просто по той причине, что они были осаждены в своем лагере королевскими войсками, и поведение крымских татар ими реконструировалось по слухам и собственным догадкам. О том, что казаки не располагали точной информацией о действиях и намерениях хана и полагались на слухи, сообщали перебежчики и пленные, взятые поляками [13, с. 198, 212–213].

В некоторых источниках содержится упоминание о том, что, желая добиться соглашения с королем, 8 июля осажденные казаки просили, чтобы Ян Казимир «...их оставил при Зборовских пактах, за что обещают с королем его величеством идти в Крым и хана как своего и королевского предателя привести королю величеству» [13, с. 207, 576]. Это, однако, нельзя считать

доказательством того, что казаки в переговорах с польской стороной называли Исляма Герая «предателем». Скорее это опечатка или ошибка, ведь в другом источнике цитируется следующее прошение казаков королю: «Хмельницкого, его сына, Выговского, как предавших В. К. М. (вашу королевскую милость, т. е. короля) и нас, выдали бы, но его нет, но обещаем не только в нашей земле, но и в Крыму искать будем и отдадим В. К. М. как того, кто нас завел, а мы как бедные овцы за ним и за Выговским ходили» [38, р. 350]. По польским источникам, на требование выдать гетмана осажденные ответили, что «от хана отказываются, Хмельницкого по всему Крыму искать будут» [6, с. 152].

Сравнение двух версий показывает, что правильной должна быть версия с «предателем» Хмельницким. Ведь крымский хан никак не мог быть «королевским предателем», так как юридически никогда не был подданным Яна Казимира. Зато поляки постоянно называли казацкого предводителя «предателем», так как он начал восстание, заручившись при этом поддержкой иностранного монарха. Хмельницкий, посмеявшийся воевать со своим королем и бросивший собственное войско, в отличие от хана действительно мог восприниматься казаками как «свой и королевский предатель».

Предателей было двое? Слухи, что Ислям III Герай намеренно бросил казаков, действительно ходили среди восставших. Вот только «предателей» (опять же по слухам) было двое. Помимо хана украинские казаки под Берестечком подозревали в «зраде» и самого Б. Хмельницкого. Более того, даже в середине XIX в. в украинском фольклоре сохранилась история об умышленном бегстве гетмана, бросившего казаков из-за ссоры с другим казацким лидером, Д. Нечаем [11, с. 303; 15, с. 466]. Причиной этому было то, что в народном сознании смешалось два трагических события: поражение любимца восставших полковника Д. Нечая в Красном и битва под Берестечком, произошедшие с разницей всего в пять месяцев. По мнению М. С. Грушевского, тема эта (т. е. предательства Б. Хмельницкого) среди украинцев «...была очень популярна и сильно распространена» [11, с. 305].

Однако после Берестечка страсти явно улеглись – и Б. Хмельницкий и Ислам III Герай вновь стали восприниматься восставшими как лидер и союзник, соответственно. Вне зависимости от того, действительно ли гетман умышленно бросил казаков или же всего лишь искренне хотел вернуть хана на поле боя, его уход к крымским татарам, скорее всего, спас вождю восставших жизнь. Ислям III Герай Б. Хмельницкого полякам не выдал, хотя в казацком таборе были готовы совершить этот поступок. Гетману было безопаснее находиться среди «предателей», чем среди своих подчиненных.

Аргументы в пользу намеренного бегства крымского хана.

Теперь мы рассмотрим аргументацию сторонников «измены татар». Вот как В. Брехуненко в своей книге о битве под Берестечком туманно описывает некие «переговоры» в ночь с 29 на 30 июня 1651 г.: «Ночью начались

закулисные игры между Яном Казимиром и Ислам-Гиреем. Трудно сказать, откуда исходила инициатива: источники дают слишком противоречивую информацию. Но факт остается фактом. За спиной Б. Хмельницкого завязались переговоры. Повторялась ситуация, возникшая в 1649 г. под Зборовым. В коронном лагере появился писарь крымского хана. Уже само его появление свидетельствовало о намерении Ислам-Гирея не доводить дело до окончательного разгрома войска Яна Казимира, в точности как это случилось два года назад. Про что реально договорились представители сторон, точно не известно. По одним данным, речь шла о примирении, а если казаки не согласятся, то хан «поможет их самих утихомирить и выдаст Хмеля королю». По другим – Ислам-Гирей получил от короля немалую сумму, а также согласие брать ясырь с Правобережья. Взамен обещал отступить от Войска Запорожского. Как бы там ни было, все это готовило почву для позорного отступления татар с поля битвы на следующий день» [5, с. 90].

Обратим внимание на то, как сконструирован текст. Хотя источники «дают слишком противоречивую информацию», однако «факт остается фактом». О ходе переговоров ничего не известно (т. е. не известно, сошлись ли хан и король на чем-либо), но при этом «как бы там ни было, все это готовило почву для позорного отхода татар с поля битвы следующего дня». И даже если велись переговоры (чему нет подтверждений), то вовсе не обязательно, что они закончились соглашением.

Как видим, сам по себе текст В. Брехуненко не привносит ничего нового в копилку аргументов о намеренном бегстве Исляма III Герая. Более важно то, что приведенные источники вообще не обладают доказательной силой. Им приводятся данные то о примирении, то о захвате татарами ясыря на Правобережье. Рассмотрим источники, используемые В. Брехуненко. Первый источник – это письмо И. Хартунга, немецкого офицера на польской службе. Достаточно привести соответствующий отрывок целиком, чтобы понять: Хартунг не сообщал того, что приписывает ему В. Брехуненко. Согласно этому источнику, 30 июня «...татарский хан держался на горе и мог обозревать всю королевскую армию. Увидев все вооруженные силы и хорошо одетых солдат, он посылает сообщить королю, что прибыл сюда не для войны, а для того, чтобы заключить договор с казаками и Речью Посполитой. Если казаки не согласятся на некоторые справедливые пункты, то он поможет их самих усмирить и выдаст Хмеля в руки короля. Король ответил на это, что он не хочет впредь верить фальшивым словам хана и совсем не нуждается в его помощи, он сам может справиться с мятежниками. Пусть он продолжает то, зачем он сюда пришел. Он скоро узнает, как г. бог смотрит на задуманное им дело» [16, с. 541].

Таким образом, И. Хартунг пишет, что переговоры вообще не начались, ибо король отказался договариваться с ханом. Официальная польская пози-

ция по поводу этих несостоявшихся переговоров была высказана С. Голинским. Он сообщал, что хан послал мурзу с предложением, «...чтоб они с ними не билис, пришёл де крымский хан к полскому войску не на бой, (а) штоб казачкое войско с поляки помирить и тому де мурзе полское вийсько отказали: Естли бы пришли мирить и вы б наперед в среду битца не начинали, а коли уже почали бится и вы де с ними бьетеся»; и тот де мурза с тем и поехал и полское войско в тот час на них, татар, и наступали, а татаровя де (...) бою, побежали и гонили де за ним полское войско до ночи до переправ под Козин от королевского обозу мили с три и тое вийсько всю ночь гонили и в тое погони взяли живого мурзу, а хана самого ранили в schoку подле уха из лука» [14, с. 254].

Второй источник, который использовал В. Брехуненко, это отписка путивльских воевод в Москву, сообщавших о выходе М. Забабуре, который поведал явно фантастическую историю про якобы неучастие хана в Берестецкой битве (что противоречит почти всем остальным источникам, в том числе сообщению И. Хартунга) и договор хана с королем. По сообщению М. Забабуры, «...крымский де царь стоял особо, черкасом не помогал и отступил прочь, потому что польской король крымского царя скупил и велел черкаские украинные города, которые по сю сторону Днепра, воевать» [8, с. 95–96]. Во-первых, все источники про битву сообщают об ожесточенных боях между поляками и крымскими татарами под Берестечком, и это признает даже В. Брехуненко. Во-вторых, не было никакого планомерного уничтожения Ислямом III Гераем правобережных городов. То есть информация М. Забабуры о роли ханства в кампании 1651 г. полностью вымышлена. Если бы хан согласился разорять Правобережную Украину, было бы логичным ожидать, что после отступления из-под Берестечка он разложит кош где-нибудь под Корсунем и оттуда распустил загоны по Киевщине. Однако он не сделал этого, но зато спешно уходил обратно в Крым, не задерживаясь на украинских землях. Как сообщали русские посланники в Крыму, татары вернулись без ясыря. Таким образом, Исляму III Гераю было некогда заниматься разорением Правобережной Украины. Неясно также, почему этот мнимый договор никак не отобразился в польских источниках (для сравнения – переговоры под Зборовом и Жванцем поляки не скрывали и подробно расписывали). Скорее, перед нами – рефлексии потерпевших поражение казаков (М. Забабура вместе с ними пережил осаду лагеря), которые объясняли для себя бегство крымских войск мифическим сговором.

То есть сообщение источника, утверждавшего, что переговоры так и не начались, используется В. Брехуненко как доказательство того, что переговоры состоялись. А сообщение источника, писавшего, что татары вообще не воевали под Берестечком, противоречат работе самого В. Брехуненко (все же признавшего, что нуреддин-султан Гази Герай 30 июня своей атакой спас казаков от И. Вишневецкого) [5, с. 94–95].

Украинские историки В. А. Смолий и В. С. Степанков также придерживаются версии о «предательстве»: «Как свидетельствуют источники, между ханом и королем поддерживались тайные отношения (29 июня в польском лагере появился личный слуга Ислам-Гирея, которого привели жолнеры; по свидетельству немецкого офицера Иоганна Хартунга, хан предложил королю помириться)» [25, с. 157].

О Хартунге мы писали выше: он как раз опровергает (а не подтверждает) факт наличия тайных переговоров. Теперь обратим внимание на то, что сообщали источники о загадочном эпизоде со слугой/писарем хана. Они сообщают, что писарь попал в плен в бою 29 июня, когда полякам удалось отразить атаку отборного подразделения ханской кавалерии. Польская «Реляция войны под Берестечком» из рукописи вышеградского стольника Млоцкого сообщает, что 29 июня Ислям III Герай «...приказал броситься в бой и своей надворной хоругви, но и ее было хорошо побито, был пойман ханский личный [слуга] и там погиб нуреддин-султан... Отступил тогда с поля очень рано татарин, а ханский личный [слуга] был спрошен: «Почему же»? Ответил, что завтра на вас готовится, что вся сила вместе с Хмельницким» [13, с. 238]. Другой источник об итогах сражения 29 июня сообщает, что в плен «несколько хороших татар взяты и ханский личный писарь» [9, с. 220].

Таким образом, источники повествуют о том, что ханский слуга/писарь оказался в польском лагере, потому что он сражался против королевского войска и был взят в плен. Украинская историография (в лице В. Брехуненко, В. А. Смолия и В. С. Степанкова) изображает дело так: ханский слуга/писарь оказался в польском лагере, потому что хан хотел тайно сговориться с поляками.

Кстати, перед битвой ханский представитель в королевский лагерь действительно прибыл, о чем упоминали польские источники [9, с. 186]. Однако его целью был не тайный сговор, а разведка – посол встретился с пленным мурзой Ниетшахом и беседовал с ним о том, как можно победить врага. Поляки, разоблачив их, отправили обоих в Варшаву [9, с. 204–205].

Как сообщают В. А. Смолий и В. С. Степанков, 30 июня лишь одно польское ядро упало возле хана: «Одного выстрела (!!!) оказалось достаточно, чтобы Ислам-Гирей кинулся за холм и вся орда, как по условному сигналу, начала бегство» [25, с. 159–160]. Однако из источников мы знаем, что хан побежал не после одного ядра. Напротив, источники сообщают о мощном обстреле татарских позиций из польских орудий. Согласно реляции из рукописи вышеградского стольника Млоцкого, «правое крыло, которое с нашей пехотой наступало, с пушками к орде подступило, и часто стреляя, не промахиваясь и нанося им значительные потери, на что мы смотрели своими глазами, какие страшные в них делались улицы с каждым выстрелом из пушек, и в подзорную трубу было видно их разрушение, когда орда

вслепую бежала, а те, что немного в резерве остались, пошли рассыпную. Пошло за ними далеко правое крыло, но и насмотреться не дали, лужная челядь две тысячи их выбила на переправе» [13, с. 239]. Об артиллерийском огне, который обрушили поляки на ханское войско, В. А. Смолий и В. С. Степанков предпочитают не упоминать, чтобы не разрушать миф о бегстве из-за одного ядра. Более того, татарская конница мужественно стояла под артиллерийским огнем противника еще до королевского приказа стрелять по хану [42, р. 180]. Вместо этого В. А. Смолий и В. С. Степанков отвергают данные об обстреле крымского войска польской артиллерией – безо всяких доказательств, просто назвав их «красивым мифом»! Но в таком случае остается вопрос: каким тогда образом получили ранения от ядер и картечи Айтимура-мурза и Муртаза-ага?

Сам факт того, что 30 июня состоялась артиллерийская дуэль между крымским ханом и польским королем, показывает, что попытка ведения переговоров (если таковая и была) ни к чему не привела. В реалиях XVII в. точность артиллерийского огня была невысока, и ядро, упавшее в считанных метрах от цели, с таким же успехом могло поразить и саму цель. Даже утверждение В. А. Смолия и В. С. Степанкова об отсутствии орудийного огня польской армии по крымским позициям не отменяет того факта, что Исляму III Гераю и Яну II Казимиру в случае наличия соглашения не было бы нужды так рисковать собственными жизнями и столь сильно усердствовать, инсценируя бой.

Зачем же вообще Исляму III Гераю было намеренно убежать? Украинские историки дают следующий ответ: Крыму было невыгодно усиление Польши или Украины, а была выгодна их взаимная борьба. Этому мнению придерживался М. С. Грушевский [11, с. 288]. Сам этот тезис выглядит довольно странно. Ведь украинские авторы обвиняют хана в нежелании воевать и медленном движении на помощь Хмельницкому. Ислям III Герарай не хотел войны с Польшей и, как известно из источников, стремился сохранить Зборовский договор в силе и, следовательно, сберечь мир между Украиной и Польшей. После достижения мирного соглашения под Зборовым в 1649 г. усилия крымской дипломатии сосредоточились на попытках собрать антирусскую коалицию в составе Крымского ханства, Польши, Войска Запорожского и Швеции. В таких условиях о стремлении бесконечно долго истощать казаков и поляков не могло быть и речи. Напротив, это истощение было невыгодно Бахчисараю, так как отодвигало на неопределенное время совместные действия крымских татар, поляков и казаков против Москвы. Стремление крымской стороны избежать ненужной ханству войны и предотвратить конфликт Варшавы и казачества ради общей борьбы с Россией некоторые украинские историки выдают за стремление взаимно истощать поляков и украинцев, хотя нам трудно понять, как они пришли к такому выводу.

Весьма показательно, что уже вскоре после битвы И. Выговский обвинил Исляма III Герая в предательстве. На это хан ответил:

– Если бы крымские татары не хотели помогать казакам, они вообще не вышли бы из Крыма и не стали бы проделывать такой далекий путь.

Сам И. Выговский прекрасно видел, что татарская конница три дня сражались с поляками и несла большие потери, бросив при бегстве свое имущество [1, с. 469].

И. Выговский ничего не смог на это возразить. По крайней мере, весь этот диалог известен с его слов. И про свои возражения на ханский ответ он ничего не сообщил. Он лишь попросил у хана 10 тыс. воинов для спасения табора.

Стоит согласиться со И. К. Свешниковым, отмечавшим, что «при наличии сговора с королем хан в удобное для него время отступил бы со своими войсками без боя и не бросал бы в паническом бегстве весь свой лагерь, знамя и шатер с личными вещами» [24, с. 113]. По сей день аргументы И. К. Свешникова никем не были убедительно опровергнуты.

Крымское войско было разгромлено и обращено в бегство, а хан, вернувшись в Бахчисарай, тем самым на практике уже никак не мог воздействовать на обе враждующие стороны. Если бы Ислям III Герай хотел обмануть казачьего гетмана, он бы вообще не выступал бы в поход, а выступив, не стал бы ввязываться в кровопролитные бои. Тем не менее он пришел и сражался. Если бы хан хотел предать казаков, то ему не заставило бы труда заблаговременно вывести из лагеря раненых и больных, а не оставлять их противнику. Если бы Ислямом III Гераем руководил некий тайный замысел, он не стал бы стоять под огнем польской артиллерии. Желай хан того, что ему приписывают некоторые украинские историки, его действия были бы совершенно иными и полностью противоположными тому, что он делал в действительности. Поведение крымского правителя совершенно необъяснимо в рамках гипотезы об «измене».

Вывод. В ходе грандиозной битвы под Берестечком крымское войско, вынесшее на себе основную тяжесть боев с поляками, потерпело поражение и обратилось в бегство. 90% учтенных нами источников описывают произошедшее как военное поражение Исляма III Герая. Поведение крымских татар в битве и после нее, а также восприятие крымцев поляками и украинцами показывает, что хана не считали предателем. Нет никаких убедительных доказательств существования тайного сговора между ханом и королем. Лишь желание ряда исследователей создать мифологизированную карту битвы, в которой татары «предают» якобы «победоносных» казаков, привело к искаженному восприятию этого сражения в украинской историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 3. СПб., 1861. 604 с.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 10. СПб., 1878. 838 с.
3. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. 3. Т. IV. К., 1914. 946 с.
4. *Брехуненко В.* Богдан Хмельницкий. К., 2007. 72 с.
5. *Брехуненко В.* Програна битва виграної війни. Битва під Берестечком 1651 року. К., 2013. 116 с.
6. *Виткалов В. Г., Пономарьова Т. О.* Берестецька битва 1651 року мовою документів. Рівне, 2005. 404 с.
7. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том II. 1648–1651 годы. М., 1953. 558 с.
8. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том III. 1651–1654 годы. М., 1953. 646 с.
9. Голінський Мартин [Goliński Marcin]. *Silva rerum* (1648–1665). Ч. II: (1650–1653). К., 2020. 448 с.
10. *Голобуцкий В.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. К., 1992.
11. *Грушевський М.* Історія України-Руси. Том IX. Книга 1. К., 1996. 880 с.
12. *Гуржій О.* Про деякі оцінки політичної й військової діяльності Богдана Хмельницького в історичних піснях та думках українського народу // *Доба Богдана Хмельницького (До 400-річчя від дня народження великого гетьмана)*. К., 1995. С. 161–167.
13. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Том 2 (1650–1651 рр.). К., 2013. 704 с.
14. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Том 3 (1651–1654 рр.). К., 2014. 424 с.
15. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Том 4 (1655–1658 рр.). К., 2015. 540 с.
16. Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. К.: Наукова думка, 1965. 826 с.
17. Збірник козацьких літописів. Густиньський літопис. Літопис Самійла Величка. Літопис Грабянки. К., 2006. 976 с.
18. *Карпов Г. Ф.* Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого. М., 1873. 264 с.
19. *Козляков В. Н.* За царскую честь война весть: время и причины принятия решения о войне с Речью Посполитой в середине XVII в. // *Российская история*. 2017. № 1. С. 32–48.
20. *Костомаров Н. И.* Богдан Хмельницкий. Том II. СПб., 1859. 550 с.
21. Літопис Самовидця. К., 1971. 208 с.
22. *Мицик Ю.* Нові дані до історії українсько-кримських дипломатичних зно-

син у середині XVII ст. (за матеріалами “Кримських справ” РДАДА) // Пам’ять століть. 1999. № 5. С. 227–235.

23. *Мицик Ю.* Здобутки і недоліки польської серії книг з військової історії // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2006. № 6. С. 627–634.

24. *Свєшніков І. К.* Битва під Берестечком. Львів, 1992. 304 с.

25. *Смолій В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція XVII ст. (1648-1676 рр.). К., 1999. 352 с.

26. *Чухліб Т. В.* Гетьманування Петра Дорошенка: причини «вірності» та «зради» королю, султану й царю (1665–1676 рр.) // Український історичний журнал. 2007. Вип. 1. С. 39–61.

27. *Чухліб Т.* Іван Мазепа: до дискусії про розкриття проблеми "вірності" і "зради" українського гетьмана в російській офіційній традиції та історіографії // Україна в Центрально-Східній Європі. 2013. Вип. 12–13. С. 325-346.

28. *Чухліб Т.* Козаки і монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. К., 2009. 616 с.

29. *Baranowski B.* Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655-1660 // Polska w okresie Drugiej Wojny Polnocnej 1655–1660. Tom I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957, pp. 453–490.

30. *Biernacki W.* Powstanie Chmielnickiego. Działania wojenne na Litwie w latach 1648–1649. Zabrze, 2006. 310 p.

31. *Gavryliuk I.* Niewygrana wojna: sztuka wojenna Bohdana Chmielnickiego i innych dowódców kozackich w latach 1648–1651. Oświęcim, 2019. 388 p.

32. *Grabowski A.* Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawniej Polski. Tom I. Kraków, 1845. 496 p.

33. *Jemiołowski M.* Pamiętnik Mikołaja Jemiołowskiego towarzysza lekkiej chorągwi, ziemianina województwa bełzkiego, obejmujący dzieje Polski od roku 1648 do 1679 spólcześnie, porządkiem lat opowiedziane. Lwów, 1850. 216 p.

34. *Jerlicz J.* Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. Tom I. Warszawa, 1853. 187 p.

35. *Józefowicz J. T.* Kronika miasta Lwowa: od roku 1634 do 1690: obejmująca w ogólności dzieje dawnej Rusi Czerwonej. Lwow, 1854. 504 p.

36. *Michałowski J.* Księga pamiętnicza. Kraków, 1864. 856 p.

37. *Nagielski M.* Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu "Ogniem i Mieczem" (1648–1651). Warszawa, 1998. 430 p.

38. *Oświęcim S.* Stanisława Oświęcimsa dyaryusz 1643–1651. Kraków, 1907. 427 p.

39. Pamiętniki Łosia, towarzysza chorągwi pancерnej Władysława margrabi Mysłowskiego, wojewody krakowskiego obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667. Kraków, 1858. 119 p.

40. Polska historia wojskowa w wypisach źródłowych. Warszawa, 1928. 314 p.

41. Rogowicz M. Skład sił polskich pod Piławcami // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 2019. № 1. pp. 11–51.

42. *Romański R.* Beresteczko 1651. Warszawa, 1994. 224 p.

Сведения об авторе: Шейхумеров Амет-хан Азизович – младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); amet.sheikhumerov@mail.ru.

“Treason of the Crimean Khan” in the Battle of Berestechko: myths and facts

Amet-han Sheykhumerov

(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences)

Annotation. On the climax of the battle under Berestechko (June 30, 1651) the Crimean Tatars fled, leaving their allies, the Ukrainian Cossacks, in the battlefield. According to the almost unanimous opinion, the cause of the defeat of the allied forces was the successful actions of the Polish army under the leadership of the king John II Casimir, who dealt the main blow to the Crimean cavalry. Under the enemy's cannonballs, the Crimeans suffered heavy losses and fled, and khan Islam III Giray himself was nearly killed. But there is no evidence that the Tatars deliberately abandoned the Cossacks.

Keywords: battle of Berestechko, the Zaporozhye army, the uprising of Khmelnytsky, the Cossacks, the Crimean Tatars, Crimean Khanate, Poland.

For citation: *Sheykhumerov A. A. “Treason of the Crimean Khan” in the battle of Berestechko: myths and facts. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review. 2021, no. 2, pp. 33–72. DOI: 10.22378/kio.2021.2.33-72*

REFERENCES

1. *Akty, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey. Tom 3* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. 3]. Saint Petersburg, 1861. 604 p. (In Russian).
2. *Akty, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey. Tom 10* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. 10]. Saint Petersburg, 1878. 838 p. (In Russian).
3. *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii, izdavaemyy Vremennoy komissiyey dlya razbora drevnikh aktov. Ch. 3. T. IV* [Archive of the South-West Russia, published by Temporary

Commission for the Analysis of Ancient Acts. Part 3. Vol. IV]. Kiev, 1914. 946 p. (In Russian).

4. Brekhunenko V. *Bogdan Khmel'nits'kiy* [Bohdan Khmelnytsky]. Kiev, 2007. 72 p. (In Russian).

5. Brekhunenko V. *Prograna bitva vigranoi viyni. Bitva pid Berestechkom 1651 roku* [Lost battle of the won war. Battle of Berestechko in 1651]. Kiev, 2013. 116 p. [In Ukrainian].

6. Vitkalov V. G., Ponomar'ova T. O. *Berestets'ka bitva 1651 roku movoyu dokumentiv* [The Battle of Berestechko in 1651 by the language of documents]. Rivne, 2005. 404 p. [In Ukrainian].

7. *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. Dokumenty i materialy v trekh tomakh. Tom II. 1648–1651 gody* [Reunification of Ukraine with Russia. Documents and materials in three volumes. Volume II. 1651–1654]. Moscow, 1953. 558 p. (In Russian).

8. *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. Dokumenty i materialy v trekh tomakh. Tom III. 1651–1654 gody* [Reunification of Ukraine with Russia. Documents and materials in three volumes. Volume III. 1651–1654]. Moscow, 1953. 646 p. (In Russian).

9. Tolins'kiy Martin [Goliński Marcin]. *Silva rerum (1648–1665). Ch. II: (1650–1653)* [Silva rerum (1648–1665). Part II (1650–1653)]. Kiev, 2020. 448 p.

10. Golobutskiy V. *Diplomaticheskaya istoriya osvoboditel'noy voyny ukrainskogo naroda 1648–1654 gg.* K., 1992. [Diplomatic history of liberation war of the Ukrainian people]. (In Russian).

11. Grushevs'kiy M. *Istoriya Ukraïni-Rusi. Tom IX. Kniga 1* [History of Ukraine-Rus, Vol. IX. Book 1]. Kiev, 1996. 880 p. [In Ukrainian].

12. Gurzhiy O. *Pro deyaki otsinki politichnoi y viys'kovoï diyal'nosti Bogdana Khmel'nits'kogo v istorichnikh pisnyakh ta dumakh ukraïns'kogo narodu* [On some assessments of Bohdan Khmelnytsky's political and military activity in historical songs and dumas of the Ukrainian people]. *Doba Bogdana Khmel'nits'kogo (Do 400-richchya vid dnya narodzhennya velikogo get'mana)* [The era of Bohdan Khmelnytsky (To the 400th anniversary of the birth of the great hetman)]. Kiev, 1995, pp. 161–167. [In Ukrainian].

13. *Dzherela z istorii Natsional'no-vizvol'noi viyni ukraïns'kogo narodu 1648–1658 rr. Tom 2 (1650–1651 rr.)* [Sources on the history of the National Liberation War of the Ukrainian people 1648–1658. Vol. 2 (1650–1651)]. Kiev, 2013. 704 p. [In Ukrainian].

14. *Dzherela z istorii Natsional'no-vizvol'noi viyni ukraïns'kogo narodu 1648–1658 rr. Tom 3 (1651–1654 rr.)* [Sources on the history of the National Liberation War of the Ukrainian people 1648–1658. Vol. 3 (1651–1654)]. Kiev, 2014. 424 p. [In Ukrainian].

15. *Dzherela z istorii Natsional'no-vizvol'noi viyni ukraïns'kogo narodu 1648–1658 rr. Tom 4 (1655–1658 rr.)* [Sources on the history of the National Liberation War of the Ukrainian people 1648–1658. Vol. 4 (1654–1658)]. Kiev, 2015. 540 p. [In Ukrainian].

16. *Dokumenty ob osvoboditel'noy voyne ukrainskogo naroda 1648–1654 gg.* [Documents about the liberation war of the Ukrainian people in 1648–1654]. Kiev, 1965. 826 p. (In Russian).
17. *Zbirnik kozats'kikh litopisiv. Gustin'skiy litopis. Litopis Samiyla Velichka. Litopis Grabyanki* [Collection of Cossack chronicles. Gustin Chronicle, Velichko Chronicle, Grabyanka Chronicle]. Kiev, 2006. 976 p. [In Ukrainian].
18. Karpov G. F. *Nachalo istoricheskoy deyatel'nosti Bogdana Khmel'nitskogo* [The beginning of the historical activity of Bohdan Khmelnytsky]. Moscow, 1873. 264 p. (In Russian).
19. Kozlyakov V. N. *Za tsarskuyu chest' voyna vest': vremya i prichiny prinyatiya resheniya o voyne s Rech'yu Pospolitoj v seredine XVII v.* [To wage a war for the sake of tsar's honor: time and reasons for making a decision on the war with the Commonwealth in the middle of the 17th century]. *Rossijskaja istorija – Russian history*, 2017, no. 1, pp. 32–48. (In Russian).
20. Kostomarov N. I. *Bogdan Khmel'nitskiy. Tom II* [Bohdan Khmelnytsky. Vol. II]. Saint Petersburg, 1859. 550 p. (In Russian).
21. *Litopis Samovidtsya* [Samovidets Chronicle]. Kiev, 1971. 208 p. [In Ukrainian].
22. Mitsik Yu. *Novi dani do istorii ukrains'ko-krimsk'kikh diplomatichnikh znosin u seredini XVII st. (za materialami “Krimsk'kikh sprav” RDADA)* [New data to the history of Ukrainian-Crimean diplomatic relations in the middle of the XVII century (based on the materials of “Crimean Affairs” RGADA)]. *Pam'jat' stolit' – Memory of centuries*, 1999, no. 5, pp. 227–235. [In Ukrainian].
23. Mitsik Yu. *Zdobutki i nedoliki pol's'koï serii knig z viys'kovoï istorii* [Disadvantages and achievements of the Polish military history book series]. *Ukraïna v Central'no-Shidnij Evropi (z najdavnishih chasiv do kincja HVIII st.)* [Ukraine in Central-Eastern Europe (from ancient times to the end of the 18th century)], 2006, no. 6, pp. 627–634]. [In Ukrainian].
24. Sveshnikov I. K. *Bitva pid Berestechkom* [Battle of Berestechko in 1651]. Lviv, 1992. 304 p. [In Ukrainian].
25. Smolij V. A., Stepankov V.S. *Ukrains'ka natsional'na revolyutsiya KhVII st. (1648–1676 rr.)* [Ukrainian national revolution of the XVII century (1648–1676)]. Kiev, 1999. 352 p. [In Ukrainian].
26. Chukhlib T. V. *Get'manuvannya Petra Doroshenka: prichini «virnosti» ta «zradi» korolyu, sultanu y tsaryu (1665–1676 pp.)* [Ukrainian national revolution of the XVII century (1648–1676)]. Kiev, 1999. 352 p. [In Ukrainian].
27. Chukhlib T. Ivan Mazepa: do diskusii pro rozkrittia problemi «virnosti» i «zradi» ukrains'kogo get'mana v rosiys'kiy ofitsiyniy traditsii ta istoriografii [Ivan Mazepa: to the discussion on revealing the problem of “loyalty” and “betrayal” of the Ukrainian hetman in the Russian official tradition and historiography]. *Ukraïna*

v *Central'no-Shidnij Evropi* [Ukraine in Central-Eastern Europe], 2013, vol. 12–13, pp. 325–346. [In Ukrainian].

28. Chukhlib T. *Kozaki i monarkhi. Mizhnarodni vidnosini rann'omodernoï Ukraïns'koï derzhavi 1648–1721 rr.* [Cossacks and monarchs. International relations of the early modern Ukrainian state 1648–1721]. Kiev, 2009. 616 p. [In Ukrainian].

29. Baranowski B. *Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655–1660* [The Tatar region in the face of the Polish-Swedish war in the years 1655–1660]. *Polska w okresie Drugiej Wojny Polnocnej 1655–1660. Tom I.* [Poland during the Second Northern War, 1655–1660. Volume I]. Warszawa, 1957. pp. 453–490. [In Polish].

30. Biernacki W. *Powstanie Chmielnickiego. Działania wojenne na Litwie w latach 1648–1649* [The uprising of Chmielnicki. Military operations in Lithuania in 1648–1649.]. Zabrze, 2006. 310 p. [In Polish].

31. Gavryliuk I. *Niewygrana wojna: sztuka wojenna Bohdana Chmielnickiego i innych dowódców kozackich w latach 1648–1651* [The Won't War: The Art of War of Bohdan Chmielnicki and Other Cossack Commanders in 1648–1651]. Oświęcim, 2019. 388 p. [In Polish].

32. Grabowski A. *Ojczyście spominki w pismach do dziejów dawnéj Polski. Tom I* [Domestic memories in letters on the history of old Poland. Volume I]. Kraków, 1845. 496 p. [In Polish].

33. Jemiołowski M. *Pamiętnik Mikołaja Jemiołowskiego towarzysza lekkiej chorągwi, ziemianina województwa bełzkiego, obejmujący dzieje Polski od roku 1648 do 1679 spólcześnie, porządkiem lat opowiedziane* [The diary of Mikołaj Jemiołowski, a companion of the light banner, a landowner of the Bełz Province, covering the history of Poland from 1648 to 1679 simultaneously, told in the order of the years.]. Lwów, 1850. 216 p. [In Polish].

34. Jerlicz J. *Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. Tom I.* [The chronicle or Chronicle of Joachim Jerlicz. Volume I] Warszawa, 1853. 187 p. [In Polish].

35. Józefowicz J. T. *Kronika miasta Lwowa: od roku 1634 do 1690: obejmująca w ogólności dzieje dawnej Rusi Czerwonej* [Chronicle of the city of Lviv: from 1634 to 1690: covering in general the history of the former Red Ruthenia]. Lwow, 1854. 504 p. [In Polish].

36. Michałowski J. *Księga pamiętnicza* [The diary book]. Kraków, 1864. 856 p. [In Polish].

37. Nagielski M. *Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu "Ogniem i Mieczem" (1648–1651)* [War reports from the first years of Polish-Cossack fights in the uprising of Bohdan Chmielnicki during the "With Fire and Sword" period (1648–1651)]. Warszawa, 1998. 430 p. [In Polish].

38. Oświęcim S. *Stanisława Oświęcimsa dyaryusz 1643–1651* [Stanisław Oświęcim, diary of 1643–1651]. Kraków, 1907. 427 p. [In Polish].

39. *Pamiętniki Łosia, towarzysza chorągwi panczernej Władysława margrabi*

Mysłowskiego, wojewody krakowskiego obejmujące wydarzenia od r. 1646 do 1667 [Diaries of Łoś, companion of the armored banner of Władysław Margrave Mysłowski, the voivode of Kraków covering the events from 1646 to 1667]. Kraków, 1858. 119 p. [In Polish].

40. Polska historia wojskowa w wypisach źródłowych [Polish military history in source excerpts]. Warszawa, 1928. 314 p. [In Polish].

41. Rogowicz M. *Skład sił polskich pod Pilawcami* [The composition of the Polish forces in the battle of Pilawci]. *Przegląd Historyczno-Wojskowy*, 2019, no. 1, pp. 11–51. [In Polish].

42. Romański R. *Beresteczko 1651* [Berestechko 1651]. Warszawa, 1994. 224 p. [In Polish].

About the author: Sheykhumerov Amet-han Azizovich – junior researcher at the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin Str., 7A, Russian Federation); amet.sheykhumerov@mail.ru.